

**Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система» г. Архангельска**

Лики Севера

**Опыт работы по литературному краеведению главного
библиотекаря сектора по краеведческой работе Центральной
городской библиотеки имени М. В. Ломоносова
Перевозниковой Ирины Васильевны**

Архангельск
2010

ББК 78.39
Л 56

Л 56 «Лики Севера» : опыт работы по лит. краеведению
Перевозниковой Ирины Васильевны, гл. библиотекаря
Центр. гор. б-ки им. М. В. Ломоносова МУК «ЦБС» /
Муницип. учреждение культуры «Централиз. библиотечная
система» г. Архангельска. – Архангельск, 2010 – 80 с.

© Муниципальное учреждение
культуры «Централизованная
библиотечная система» г. Архангельска

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

*Русский Север! Мне трудно выразить словами
восхищение этим краем, мое преклонение перед ним...
Я зачарован им до конца моих дней.
Д. С. Лихачёв*

Архангельский Север – край самобытный. Он замечателен нежной, неброской на первый взгляд красотой природы, славен сильными, мужественными людьми. Наш край – песенный, сказочный, былинный. Недаром его называют «сокровищницей народного поэтического творчества».

Одним из приоритетных направлений работы муниципальных библиотек остается **краеведение**. Задача библиотечных специалистов состоит в том, чтобы использовать историко-культурное наследие края, донести его до юного читателя.

Во многих библиотеках накоплен богатейший опыт краеведческой работы: разрабатываются программы, оформляются уголки, проводятся мероприятия по различной тематике.

Ориентироваться в краеведческом материале читателям помогают краеведческие картотеки, объём которых увеличивается с каждым годом, рекомендательные списки, библиографические указатели, путеводители, памятки, которые готовят библиотекари. Ежегодно пополняется электронная база данных «Русский Север».

В сборнике **«Лики Севера»** представлен опыт работы по литературному краеведению Перевозниковой Ирины Васильевны, главного библиотекаря сектора по краеведческой работе Центральной городской библиотеки имени М. В. Ломоносова.

В первом разделе представлен материал о писателях Севера: Б. В. Шергине, М. Д. Кривополеновой, Ф. А. Абрамове, О. А. Фокиной, с которыми Ирина Васильевна знакомит ребят в рамках программы «Литературный Север».

Во втором разделе идёт речь о русских писателях, чья жизнь была связана с нашим краем. Это – М. М. Пришвин, А. С. Грин, В. А. Каверин.

Материал, представленный в сборнике, будет интересен не только библиотекарям, но и преподавателям литературы. Все беседы снабжены списками литературы.

Раздел I

«Последний из русских сказителей» (беседа по творчеству Б. В. Шергина для 5-7 классов)

Учащимся необходимо прочитать к беседе следующие произведения писателя:

- «Гость с Двины»
- «Сказки о Шише»
- «Ваня Датский»
- «Для увеселенья»

«Я полюбил Архангельск, – сказал человек, ни разу не бывавший в нашем городе. И пояснил собеседнику, видя его недоумение: – Я читал Шергина...»

- *Кто из вас читал его сказки?*
- *Кто смотрел мультипликационные фильмы?* («Волшебное кольцо», «Пронька Грезной», «Мартынко», «Для увеселенья» и др.).

Посмотрим на внешний вид сказочника: «Белоснежная борода, спадающая на обыкновенную деревенскую рубаху, и старинного покроя пиджак. Высокий лоб, одухотворённое лицо, излучающее мудрость и вместе с тем простоту и значительность – облик северного крестьянина».

Чтобы представить себе человека, важно знать не только его внешний вид, важно знать, когда он родился, где учился, как и каким рос, с кем дружил, какой была его семья, что делало его человеком.

Б. В. Шергин родился в Архангельске 28 июля 1893 года (дату установила литературовед Е. Ш. Галимова; раньше – 1896 г.) в морской семье. Отец его был корабельным мастером. Но прежде чем стать им, он плавал зуйком – так называли у поморов мальчиков, работавших на промысловых судах – ходил штурманом на Новую Землю и в Норвегию. Несколько лет стоял главным механиком Мурманского пароходства. Он слыл мастером на все руки. Прекрасно делал модели морских судов, расписывал в доме двери, ставни, столы, крышки сундуков. Виденное и пережитое, слышанное и читанное он умел так пересказывать, что оно навсегда оставалось в памяти детей. Товарищи у него тоже были моряки, опытные и знающие люди. В доме Шергиных часто бывали мореходы, коренные поморы. Мальчик любил слушать их рассказы и пение былин, которые передавались устно от отцов к детям, от дедов к внукам.

Мать писателя, Анна Ивановна, тоже была потомственной поморкой, до замужества жила в Соломбале. Вначале она вместе с

мужем ходила в море, но потом хозяйство и дети стали задерживать её дома.

«Маменька мастерица была сказывать, как жемчуг, слово у неё катилось из уст. Дома или на лодке, куда одна поедет, – всё поет», – вспоминал Борис Викторович.

Дом Шергиных стоял близко от реки на ул. Кировной, 12 (теперь это улица К. Маркса). «Комнатки в доме были маленькие, низенькие, будто каютки; окошечки коротенькие, полы жёлтенькие, столы, двери расписаны травами. С потолков птички растопорщились деревянные – отцово же мастерство...» – так ласково вспоминает Б. В. Шергин о родительском доме.

Вспоминая о своём детстве, писатель приводит интересную деталь: «У нас в Архангельске ребят до году на карточку не снимали, даже срисовывать не давали, и пуще всего зеркала младенцу не показывали. Потому, верно, я себя до года и не помню. А годовалого меня увековечили. Такое чудышко толстоголовое в альбоме сидит, вроде гири на прилавке».

Когда Борис стал постарше, его дома стали учить читать и писать. Отец хорошо рисовал и написал сыну азбуку, целую книжку. «В азбуке опять корабли и пароходы, и рыбы, и птицы – всё разрисовано красками и золотом. К азбуке указочка была костяная резная. Грамоте больше учила мама, чтобы я скорее запоминал, шутя говорила, что начертания **А** и **Б** похожи на жучков, буква **В** будто таракан, **Г** – крюк... Азбуку отец подарил к Новому году, поэтому вначале написал стихи сыну, которые сочинил сам:

Поздравляю с Новым годом!

Живи счастливо да учись.

Учёный водит, неучёный следом ходит.

Рано, весело вставай –

Заря счастье куёт.

Ходи вправо, гляди браво.

Кто помоложе, с того ответ подороже.

Будь сын отца храбрее, матери добрее.

Живи с людьми дружно, дружно, не грузно,

А врозь – хоть брось!

- *Только ли новогодним подарком была азбука?* (Родительское пожелание, наставление, наказ, завет, завещание).

«Главное, – учил отец Бориса, – быть настоящим человеком, учил любви к людям». В такой семье, прежде всего, были озабочены душой ребёнка, её строительством.

В школу Борис пошёл, уже хорошо умея читать и писать. Больше всего он успевал, учась в языках, совсем не давалась ему математика, «всю зиму бился с ней, как муха в паутине», из-за неё не

любил он школу. Зимой Борис занимался книгами, письмами и рисованием. Летом же любимым занятием была рыбная ловля. С 10 лет, отправляясь каждое лето с отцом Виктором Васильевичем в Белое море, Борис оказывался свидетелем того, как поморы непременно брали на промысел с собой сказочника или певца былин.

- *Как вы думаете, почему?*

Песенником, сказителем был друг отца штурман дальнего плавания Пафнутий Осипович Анкудинов, которого Шергин называет одним из первых своих учителей. Пафнутий Анкудинов своим красноречивым словом «что хотел, то и творил с людьми». Захочет, чтобы плакали, – плачут. А сам о себе он говорил: «Артели в море пойдут, мужики из-за меня плахами лупятся. За песни да за басни мне с 18 годов имя было и отчество».

- *Как вы это понимаете? (Почёт и уважение).*

Пафнутий Осипович Анкудинов – своеобразный поэт и артист, старый помор. Когда собирался в гости, концы своей длинной бороды прятал за жилет, и, когда его спрашивали, сколько же ему лет, он отвечал, что «100 лет в субботу».

С особой теплотой вспоминает Шергин и другого своего учителя – знаменитую пинежскую сказительницу Марью Дмитриевну Кривополенову (У Шергина есть о ней очерк). Неграмотная, но любознательная, она очень интересно рассказывала сказки и былины. Жила в большой бедности. Одевалась очень просто: тёмный сарафан на ляшках, рубашка белая, на голове светлый ситцевый платочек, ростом была мала. Фигурой, как девочка. Всех поражал её голос, в нём было что-то от органа, замечательный северный язык. А какая дикция! Какое дыхание! Общение со сказителями, их складное красовитое слово рано разбудило воображение у Шергина, укрепило память, вызвало потребность сказывать.

В автобиографии Б. В. Шергин пишет: «Легендарные истории, сказки, былины, всё, что поражало моё воображение, я любил повторять дома и где-нибудь в кругу сверстников».

Когда он учился в Архангельской мужской гимназии имени М. В. Ломоносова, в кругу своих товарищей часто увлекательно и образно рассказывал сказки, постоянно при этом импровизируя. Вот как об этом вспоминает Илья Бражнин в «Недавних былях»: «Это было в Архангельске, на одном из гимназических вечеров. В зале танцевали... Мне наскучила толкотня, и я побрёл по комнатам, по классам, примыкающим к залу, попал не то в канцелярию, не то в учительскую. В углу сидел круглолицый, румяный паренёк и что-то рассказывал. Вокруг сидели, придвинувшись вплотную, человек 20 и слушали, глядя ему в рот. Я вошёл, чтобы послушать, о чём речь,

думая, побуду минуту и уйду, но не ушёл, а застрял основательно и надолго».

Следуя былинным сюжетам, рассказал Борис Шергин о былинном богатыре в своей книге «Илья Муромец». Известны также былины писателя о татарском нашествии – «Авдотья Рязаночка» и о «Сухмане Непровиче», о героях которых рассказано в древних летописях.

Увлекался юный Шергин, как и отец, рисованием. Но юноша после окончания гимназии не сразу делает выбор (рисование или литература), сомневается.

Только в 1913 году страсть к искусству пересиливает, и он поступает в Строгановское училище и успешно учится живописи и графике. Приняли его на I курс, но уже к Новому году за успехи перевели на третий.

Как праздник вспоминает Шергин годы учения в училище. Рисунки Бориса Викторовича получают высокую оценку педагогов-художников. Здесь же в училище Шергин обращает на себя внимание и как замечательный рассказчик-сказочник. Он часто выступает с устными рассказами о Севере в библиотеках, клубах. Интересно то, как создавал свои произведения Б. В. Шергин. Прежде чем написать текст произведения на бумаге, он рассказывал его в разных аудиториях, внимательно наблюдая за реакцией слушателей и как бы отшлифовывая, совершенствуя произведение. И только после многократного устного рассказывания записывал текст. То есть само сказывание было для Шергина процессом творчества.

В 1915 году Борис Викторович публикует в Архангельске первые рассказы о Пафнутии Анкудинове и Наталье Бугаевой (сказительница, родственница и домоправительница Шергиных). И ещё не раз будет Шергин вспоминать этих чудесных сказителей, которые оказали большое влияние на писателя. А свои первые книги он иллюстрирует сам.

В 1922 году он окончательно переезжает в Москву на постоянное жительство. Здесь он 8 лет работал в институте детского чтения Наркомпроса.

В середине 20-х гг. Шергин не раз приезжал в Архангельск. Подъезжая к городу, обязательно пел частушку:

Скоро-скоро нет настанет тот денёк ангельский?

Скоро-скоро нет появится городок Архангельский?

Любил Борис Викторович говаривать: «Радость и мир надо заработать, надо других обрадовать, тогда и сам радость получишь». Его выступления-концерты пользовались огромным успехом. Б. Пономарёв вспоминает: «Мне довелось слушать Бориса Викторовича в 3-й средней школе, где он рассказывал ребятам

соломбальскую сказку и несколько поморских сказов. Ребята сидели словно замороженные. Потом, как бы очнувшись, они долго аплодировали...»

В его сказках живут добрые, трудолюбивые, приносящие пользу и радость люди. Все они мастера разных ремёсел: корабельного, морского, рубки леса, резьбы по кости, росписи по дереву. Жить им нелегко, но они добры, благородны, великодушны. Таков и герой рассказа **«Гость с Двины»** русский мореходец, выкупивший из долговой ямы датского корабельщика.

- *Какое чувство вы испытывали после прочтения рассказа?*

В 1924 году начали выходить в Москве книги Б. В. Шергина. Первой была «У Архангельского города, у корабельного пристанища» – сборник старин, былин, песен. Большой интерес у читателя вызвала также книга **«Шиш Московский»** (1930 г.) – цикл небольших сказок о забавных приключениях ловкого Шиша – бродяги, который умел провести и попа, и царя, и добра молодца (*Прочитать вслух сказку «Шиш и трактирщица»*).

Славе героя помогло и то, что писатель сам, называя себя Шишом Московским, стал рассказывать о его похождениях по радио. Народные сказки о Шише начали сочиняться ещё в годы Ивана Грозного, когда Шишом называли бродяг, бывших беглых холопов. Шергин собрал более 100 сказок о Шише. В его обработках Шиш представлен весёлым и жизнерадостным. Шергин наделил его очень интересной внешностью: «На лбу рыжий хохол, глаза, как у кошки. Один голубой, другой как смородина. Нос кверху». (Показать обложку книги «Сказки о Шише»)

- *Героя каких народных сказок напоминает Шиш? (Иванушка-дурачок).*
- *Что их отличает?*

Если Иван с помощью чудесных сил всегда побеждает в борьбе со злом, то Шишу часто приходится рассчитывать только на себя и расплачиваться за свои проделки: ему пришлось слезть с телеги и идти пешком, потому что оскорбил хозяина лошади обидными рифмами, («Рифмы» или «Шиш складывает рифмы») или два часа бежал Шиш от дома без оглядки после того, как заставил всех ночью рассказывать сказки («Шиш сказочник»).

Настоящую славу и призвание принесла писателю книга «Океан – море русское», вышедшая в 1957 г. и 1959 г. двумя изданиями в издательстве «Молодая гвардия». В этой книге собраны лучшие произведения Б. В. Шергина. Её назовут «копилкой добротной северной речи» (Л. Леонов).

Самая большая и представительная книга Шергина «Запечатлённая слава». В неё вошли как лучшие новеллы и были, так

и сказки про Шиша Московского и замечательные шергинские старины. Её называют «хрестоматией по культуре Русского Поморья».

Действие большинства произведений Б. В. Шергина происходит на Севере: на Новой Земле, на Соловецких островах, на Кегострове, в деревнях, расположенных по берегам северных рек.

Но выделяется в творчестве писателя цикл рассказов, связанных с Архангельском. По шергинским произведениям легко представить Архангельск начала XX века, знакомый нам по старым фотографиям и рисункам (Зачитать из книги «Океан – море русское» с. 27 со слов «Улицы в Архангельском городе широки, долги...» до слов «...среди города»).

И герои рассказов Шергина – это чаще всего люди, связанные с морем, с кораблестроением: кормщики, плотники-корабельщики, штурманы, народные умельцы, художники... – мужественные и самоотверженные люди.

Борис Викторович писал: «Люблю про тех сказывать, кто с морем в любви и согласии».

В рассказе «Для увеселенья» говорится о том, какая непоправимая беда случилась с братьями Личутиными, Иваном и Ондrejaном. Во время рыбного промысла заночевали они на каменистом, голом островке, среди пустынного моря, свой карбас братья «поставили на якорь» меж камней вместе с грузом добытой рыбы и легли спать. А ночью ударил шторм. Морской вал внезапно поднял карбас, вырвал его и унёс в море. Братья понимали неизбежность своей смерти и отнеслись к ней спокойно. Перед лицом неминуемой гибели они не стали плакать, а решили исполнить сперва обычай поморский – оставить посмертное о себе извещение, кто они такие, откуда родом и отчего погибли. На поясе у того и другого остались промысловые ножи да столешница, на которой они рыбу чистили и обедали. Вот на ней и принялись Иван и Ондrejaн вырезать о себе посмертные слова. Они не только её украсили резным узором, но и вырезали на ней в стихах краткое повествование всего, что с ними свершилось:

Чтобы ум отманить от безвременной скуки,
К сей доске приложили мы старательные руки.
Ондrejaн ухитрял раму резьбой для увеселения,
Иван летопись писал для уведомления:
Что родом мы Личутины, Григорьевы дети,
Мезенские мещана.

И помните нас, все плывущие
В сих концах моря-океана.

Отец Бориса Шергина посетил остров, на котором скончались голодной смертью братья Личутины. Доска в то время была ещё цела.

Несколько лет спустя после «Запечатлённой славы» вышла книга «Гандвик – студёное море». К Борису Викторовичу пришла настоящая писательская слава. В числе первых литераторов он был принят в 1934 г. в Союз писателей и как делегат Московской писательской организации участвовал в работе I Всесоюзного писательского съезда.

Один из самых популярных рассказов Шергина «**Ваня Датский**». В 1982 г. Ленинградское отделение издательства «Детская литература» выпустило «Ваню Датского» отдельной книгой. В этом рассказе говорится о том, как архангельский мальчишка убегает на датском корабле за границу, как трижды возвращается потом через много лет в родной город, не смея признаться матери, и как, наконец, мать узнаёт его.

- *Могло ли описанное произойти на самом деле?*

В конце рассказа мы узнаём, что всё правда. И всё же эта история очень похожа на сказку.

- *Что в ней сказочного?* (Начало – зачин, язык, манера рассказывания, число 3: трижды возвращался, трижды подкладывал матери деньги, трое сыновей, три года прошло, прежде чем все соединились в дружную семью, вырос Иван по-сказочному быстро; и завершается всё, как в сказке, – счастливо и радостно).

- *В сказке всегда побеждает добро и справедливость. А здесь?* (Побеждает любовь матери к сыну, сына к матери и родным местам).

- *Почему Иван возвращается несколько раз?* (Вину перед мамой чувствовал, не повинился, убежал без согласия).

Все военные годы Шергин жил в Москве, переносил все тяготы военных лет. Все его заработки были – «концертики» и, как он сам говорил, «вспомнят – ткнут в какой-то концертишко, а не вспомнят – сиди и жди». За военные годы он более 50 раз выступал с чтением своих рассказов в московских и подмосковных госпиталях. Ему только 50 лет, а уже гаснет зрение. Не ждёт он чуда и с исцелением ноги, которая была ампутирована ещё в 1919 г., когда Борис Викторович попал под вагонетку (в других источниках – трамвай), потом любимая девушка покинула.

Жил Шергин последние свои годы с братом в огромной, как барак, коммунальной квартире, занимал неуютную, неудобную, с высоким серым потолком, как на вокзале, комнату с непроницаемыми от пыли окнами. Дешёвым одеялом заправлена железная кровать. На столе перед кроватью – стопка чистой бумаги и карандаши. На стене – написанные им картины и рисунки, небольшое полотно С. Г. Писахова, фотография, где молодой Шергин запечатлён со знаменитой северной сказительницей М. Д. Кривополеновой, его наставницей, большая модель поморской ладьи, сделанная искусной рукой отца...

Последние 15 лет Шергин «соглядал всё только внутренним оком». Но творческий дух его не покидал никогда. Каждый вечер он взбирался на 2-й этаж, где жила машинистка, и диктовал. Сам он многие годы жил в страшной нужде. Книги его годами не печатались. Но он сумел сохранить в сердце «веселье сердечное».

Умер писатель в 1973 г. на 81-ом году жизни. Умер, как и жил, тихо, спокойно. Была поздняя осень, самый конец октября, любимое время года Бориса Викторовича. По всему кладбищу лежал снег, чёрные деревья на белом снегу, жемчужное низкое небо... Это была его красота. Но так давно не видел он этой красоты. Железные длинные санки, на которые поставлен гроб, легко катятся по свежему снегу, и всё вперёд, вперёд, туда, где за частыми решётками и деревьями бурая куча отрытой глины.

15 лет ждал Бориса Викторовича в этой железной оградке его названный брат, единственное его утешение в жизни. Теперь они опять были рядом, вместе...

В одном из шергинских сказов есть такие слова: «Поживи для людей, поживут и люди для тебя!»

Всю жизнь Шергин отдал людям. Отдал щедро, без расчёта, без оглядки на выгоду. По-разному величали его при жизни: замечательным советским писателем, поэтической душой Севера, волшебником русской речи, сказителем, самобытным, ни на кого не похожим писателем. Дарование его было универсальным: он совмещал в себе сказителя, историка, поэта, этнографа, художника, актёра, знатока народной северной речи. Обладал удивительным даром рассказчика. В нём жил комедийный талант.

Писал и говорил он только об одном – о Русском Севере. Борис Викторович был патриотом родного города. «Архангельск для меня, – писал он, – как золотая заставка всей моей жизни».

И завет своих земляков, «чтоб наши сказания попали в писания», он выполнил. Он донёс до нас красивую, яркую, своеобразную северную речь, помог уберечь от забвения произведения устного народного творчества. Подобно братьям Личутиным, Шергин оставил нам свои книги в поученье да в увеселенье. Борис Викторович очень много сделал для прославления нашего края. Каждая его книга пронизана любовью к Беломорскому Северу, любовью к Архангельску.

Светлое имя Б. В. Шергина всегда будет дорого всем нам, землякам талантливого русского писателя.

Список литературы:

1. Галимова, Е. Ш. Книга о Шергине / Е. Ш. Галимова. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988. – 127 с.

2. Галкин, Ю. Борис Шергин : Златая цепь. – М. : Сов. Россия, 1982. – 172 с.
3. Методические рекомендации к программам по литературе (региональный компонент). – Архангельск : Изд-во «Родина Ломоносова», 1994.
4. Пономарёв, Б. Литературный Архангельск / Б. Пономарёв. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982. – 191 с.
5. Скепнер, Л. С. Словесное искусство Русского Севера в литературном образовании и развитии школьников : монография / Л. С. Скепнер. – Архангельск : Помор. гос. ун-т, 2002. – 239 с.

«В древних преданьях, как в материнской зыбке» (беседа о М. Д. Кривополеновой для 5-7 классов)

Есть на Руси сказочный край... Человека, впервые попавшего на Русский Север, поражает буквально всё: красота высоких, белых, словно алебастровых берегов, переливы красок двухмесячного дня и крестьянский быт, так непохожий на уклад мужицкой жизни в средней России, и эта удивительная любовь к слову, к песне, к сказке, ко всему чудесному...

В этом сказочном крае, где крестьянин, никогда не знавший крепостного ига, жил свободно, хранил и любил слово и украшал им свою жизнь, случилась сказка.

– Хотите ли вы, ребята, узнать, какая северная неизвестная артистка была приглашена в Москву и там дала такие концерты, что восторженная публика сразу же после концерта бросилась обнимать, целовать руки нашей артистки, а потом подняли на руки и в восторге понесли по залу. Согласитесь, что такие почести и самым известным артистам выпадают очень редко.

А началось всё не с выступления в Московской консерватории, а гораздо раньше, в середине уже позапрошлого века (50-е года XIX в.). И не в некотором царстве, в некотором государстве, а в 200 верстах (213 км) от Архангельска, в деревне Усть-Ежуга. Давным-давно там стояла маленькая чёрная избушка и в ней 7 голодных ртов: мать-работница, четверо ребятишек, старая бабка да огромный столетний дед – Кабалин Никифор Никитич. Отец детей умер рано.

Дед в молодости ходил по зимним промыслам, бил морского зверя. И знал Никифор Никитич множество былин.

А сказочники и былинщики были на промысле в постоянном почёте. Жили промысловики в избушках долгое время, доставали зверя, так первое место за котлом ли, за столом ли – всегда было

былинщику, сказочнику. Посадят его в середину. Находились такие люди, что и табак ему крутят, другие чай доливают, а у былинщика одно слово другое родит. Из темноты только доносится: «А ну-ка, скажи ещё былинку, всё время быстрее идёт». А уж дед и ночь проговорит и на утро оставит. Течёт себе былина. И не чёрные сосны видит перед собой промысловик, а славных русских богатырей. (Зачитать отрывок из книги Озаровской О. Э. «Пятиречье» С. 266).

Дед стал старым и на промысел ходить перестал, стал с детьми водиться, растить их вместо отца. Мама оставит ребятишек в избе, уйдёт на работу, а дед старый, таинственный, притягательный, много видевший, много слышавший – с ними. Им и любо. И ребятишки пристают:

– Дедушко! Спой старину... Дедушко! Спой былинку!

Споёт былинку дедушка про Илью про Муромца, длинную, длинную.

– Дедушко! Спой коротеньку.

Дедушка споёт и коротеньку, потом снова длинную. Ребятишек откуда ни возьмишь штук пятнадцать в избу уж набилось; все слушают: распелся дедушка.

И «внялась» в эти старины одна крошечная Машутка. Всё запоминала. И пронесла былины сквозь свою скудную и тяжёлую жизнь. Донесла уже старческими руками до большого города. Да и как эту жизнь не назвать трудной. С 10 лет пришлось побираться, ходить по кусочкам. Одной матери нипочём не прокормить было четверых детей. Так с нищей котомкой через плечо и ходила Марьюшка от избы к избе, от деревни к деревне. Протягивала руку, прося кусок хлеба, потом несла эти кусочки домой.

Долго к Маше никто не сватался. То ли из-за нищеты, то ли из-за её маленького роста и худобы (в деревне её называли Махонька). Потом выдали Машу замуж. Для сироты разве найдёшь хорошего жениха? Муж от венца увёз молодую жену в Вологодскую губернию на заработки. А через год бросил без копейки с маленьким ребёнком на руках. Муж пил и на руку нечист был. И бродяжничать любил. Желалось жить с мужем в совете да любви, а пришлось позор какой принять. Надо домой за 700 верст (747 км) пешком с младенцем у груди попадать. Только бы домой добраться. Пришла, и сердце захолонуло: в доме окна вынуты, сундуки взломаны – муж-злодей раньше поспел, всё пропил. Хоть и работница была Маша, а хозяйство всё кривилось: муж пил, воровал, бродяжничал. Дети умирали, только одна дочь осталась. Муж потом попал в острог, бежал и был убит на дороге своими же за несоблюдение воровского закона.

А тут «зелёные года» пришли: семь подряд (голодные годы, когда хлеб ещё зелёным, не успев зацвести, убивается морозом).

Пришлось Марье на телеге ездить по деревням, собирать. Дочь вышла замуж тоже бедно; хоть старалась оприютить мать, да откуда возьмёшь, когда у самой ребятишки живут впроголодь.

И на старости лет с корзиной в руках крошечная сморщенная Марьюшка бегаёт по деревням, собирает кусочки. Белые, тёплые внучаткам несёт, чёрные высушит и в лавочку продаст (там их для скота покупают). Ночует, где Бог приведёт. Деревенские ребятишки, завидев её издали, кубарем валяются с горы. Хватают Махоньку за подол, за руки, и она пропадает в ребячьем гомоне. И так волокут в избу к Стирмановым. Кривополенова залезает на печь, несколько минут лежит на горячих кирпичах, тихонечко постанывает, охает, потом начинает из душной темноты: «Было у нас да во Царь-граде...» (Отрывок из книги О. Э. Озаровской «Пятиречье» С. 282).

Было одно событие в жизни: наезжал «Москвец», записал все старины, на машину с трубой голос снял. Пела ему с радостью. Это был 1900 год.

Собиратель былин А. Д. Григорьев записал от М. Д. Кривополеновой 14 былин и 5 духовных стихов, которые вошли в сборник «Архангельск. Былины и исторические песни», вышедший в 1904 году. М. Д. Кривополенова стала известна среди московской демократической интеллигенции. А сама она этого не знала и продолжала жить в страшной нищете.

И так до 72 лет, до чуда встречи с Московкой. Московкой этой была Ольга Эрастовна Озаровская, а встреча эта случилась летом 1915 года в деревне Великий Двор.

Озаровская, собиравшая песенную старину, остановилась передохнуть у знакомой пинежской плачеи Прасковьи Олькиной и задремала: «Во сне мне причудилось совершенно необыкновенное пение. Я пробудилась, а пение не смолкало. Я вышла на крыльцо, а там сидит крошечная, сухонькая старушка-нищенка и тихонечко напевает редкую былинку. Это была Марья Дмитриевна Кривополенова. Есть примета на Севере: если съешь у нищего от трёх кусков, будет тебе счастье. Старая нищенка Кривополенова так сердечно угощала меня тёплыми, только что поданными в городе шанёжками, что я незаметно для себя съела заветных три кусочка. И вышло счастье для нас обеих. Нельзя было не полюбить бабушку с первой встречи. А когда она пела, ясно было, что настоящая артистка.

– Бабушка, поедем в Москву?

– Поедем.

Храбрая, как артист. Односельчане руками всплёскивали:

– Куда ты, бабка, ведь помрёшь!

– А невелико у бабушки и костыё, найдётся место, где закопать!»

И поехала бабушка с Озаровской в Москву. А в Москве не ей одной, а многим тысячам показала, какая она артистка. Маленькая, сухонькая, а дыхание, как у заправского певуна. Три зуба во рту, а произношение – чисто на диво! 72 года, а огня, жизни в ней – на зависть молодым. Маленькая, худенькая, одетая в тёмный старинного покроя сарафан, застёгнутый сверху донизу на стеклянные пуговицы, в тёмном вдовьем повойнике, она была похожа не то на девочку, не то на древнюю старуху.

Приехав из дремучих лесов Севера, она не боялась многолюдной аудитории – наоборот, чувствовала себя непринуждённо.

Когда она впервые вышла на сцену, её не сразу заметили, а в зале ещё долго не затихал гомон, шарканье, рассаживание. Тогда Мария Дмитриевна строго и без всякого стеснения сказала:

– Угломнитесь – ко!

Публика сначала замолчала, а потом раздались аплодисменты, в зале слышались выкрики:

– Здравствуй, милая бабушка!

А бабушка ответила тремя поклонами в пояс на три стороны по старинному обычаю:

– Здравствуй, многолетно и ты, Москва, юная и прекрасная!

И зазвучала старинная, непривычная мелодия, так несхожая с русской песней. Это был голос древней былины. Сказывает Мария Дмитриевна былинку, и слушатели воочию видят древних богатырей – Илью Муромца, Добрыню, слышат поступь богатырских коней:

В солнце знаменье страшное,
В полночь звёзды хвостатые,
Пред зорями земля тряслась,
Шла орда на святую Русь.
На Руси петухи поют,
Не спит Рязань полуночная,
По стенам не спят караульщики,
По угольным башням дозорщики...

И два, и три часа пела Махонька, и слушатели воочию видели то, что внушала им вещая старуха.

Закончилось пение былин, а зрители вместо того чтобы степенно разойтись по домам, вдруг побежали к сцене, бабушку Кривополенову на руки подняли. Целуют. Та счастливая, отбояривается, ручками старенькими отмахивается:

– Уж порато не потряхните... Костьё растрясёте...

Концерт окончен. Она выходит из зала, и швейцар подает ей верхнюю одежду. И она, конфузливо в душе, но внешне благородно говорит: «Господь с вами, не надо. Мы ведь нищие».

А слушатели в восторге почтительно целуют ей руки, которые в северных деревнях протягивались за милостыней. А певцы восторженно восклицают: «Какой голос! Какая дикция! Какое дыхание! Итальянская школа». А голос у неё был действительно необыкновенный. Густой, почти мужской. И даже в 80 лет её голос по сравнению с 20-летними девушками, подпевавшими ей, казался более звучным и гибким.

Она пела старины степенно, чинно, как и подобает старинщикам. В начале XX века она исполняла былины так, как их пели в XV веке!

В Москве она посетила Кремль и поглядела на гробницу Ивана Грозного, отыскала за Москвой-рекой дом Малюты Скуратова, осмотрела Лобное место на Красной площади.

Она была счастлива, что всё то, о чём она пела, оказалось не «вракой», а правдой: «Всё было, всё своими глазами высмотрела, всё было на веках...»

Сказительница стала «московской знаменитостью»: о ней писали статьи, её фотографировали, с неё писали портреты.

После трёхмесячной поездки в 1915 году в Москву и Петроград Мария Дмитриевна вернулась к себе на родину. Столичная слава опередила её. Именитые купцы и горожане Архангельска читали питерские и московские газеты. Выслали за «бабушкой» через двинской лёд сани. Все наперебой спешат выразить ей своё почтение и внимание. Устраивают ей вечера и концерты. Зазывают в гости. На Пинегу она покатила в санях с провожатыми и колоколом, словно должностное лицо.

В Пинеге оторопевшие хозяева маленького домика, куда пускали иногда на ночлег старую нищенку, проводили бабушку в банк положить приобретённые за время поездки деньги – плату за выступления – почти 2 тысячи рублей. Банковские чиновники тоже не могли в толк взять, за что «Москва деньги платит», как это такая неприглядная старуха отхватила такой куш. Они просят её спеть им. Но старушка поняла: «Как сиротою ходила-пела, не слушали, а как деньги вкладывать – любопытно стало. Недосуг петь. Домой попадать надо».

Так и не спела.

Ещё раз собралась Махонька в Москву в 1916 году, а оттуда по городам России, по Украине, Кавказу.

Приехав обратно, говорила: «В Харькови ни на лошадях не ездила, ни ногами не хаживала: носком носили».

Одно время Мария Дмитриевна жила у дочери. Потом житья не стало. Высосали из неё все средства, и стала бабка не годна: ступай куда хочешь!

А в 1921 году её вызвал в Москву сам министр просвещения (нарком) – А. В. Луначарский (Мария Дмитриевна звала его на северный манер «Начарьским»).

Нарком пригласил её участвовать в концертах в день открытия III конгресса Коминтерна. Он приказывает доставить её в самых лучших условиях, дать ей академический паёк, весьма повышенное денежное содержание, и, вообще, обеспечить остаток её дней: «Пусть знают, что это уже не простая бабушка, а государственная бабушка».

Так, с лёгкой руки Луначарского Марию Дмитриевну стали называть «государственной бабушкой».

Приехав в последний раз в Москву, Мария Дмитриевна с нетерпением ожидала встречи с Луначарским. Но он сразу не смог к ней приехать, и бабушка на него дулась. И когда он всё же приехал и бабушку пошли звать, то она ответила:

– Я ещё чулок не довязала.

Пошли звать второй раз:

– Когда будет пора, приду. Я дольше ждала.

И дождалась третьего приглашения, вышла строгая и поклонилась в пояс. Но вскоре уже пела песни и сказывала былины. А на прощанье подарила ему вареники и сказала: «Можешь в них дрова рубить и снег сгребать лопатой, хватит на три зимы». Она покорила Луначарского умом и достоинством.

Возвратилась она со славой блистательной сказительницы, и старость её, казалось бы, была обеспечена. В Москве ей предлагали квартиру и секретаря, но она вернулась на Пинегу.

Подарки и заработок от выступлений очень скоро растащили многочисленные родственники, ранее не признававшие никакого родства с нищей. С пайком начались перебои. Снова пришлось собирать милостыню.

1924 год на Пинеге был неурожайным. И опять ей пришлось себе и внукам добывать хлеб в скитаниях по деревням. Подаренная в Москве медаль географического общества была утеряна, а на дипломе из твёрдого картона «За научные труды и заслуги» испекли пирог.

Однажды отправилась она в дальнюю деревню, возвращалась оттуда ночью. Снежные вихри сбивали с ног. Кто-то привёл старуху на постоялый двор. Изба битком набита заезжим народом. Её узнали, освободили место на лавочке. Сидя на лавке, прямая, спокойная, Кривополенова сказала:

– Дайте свечку, сейчас запоёт петух и я отойду.

Сжимая в руках свечу, она сказала:

– Прости меня, вся земля русская.

В сенях громко прокричал петух. Сказительница былин закрыла глаза навеки. Бесчувственную, с застывшей на устах песней Кривополенову уложили в сани и повезли на другой конец деревни. Это случилось 2 февраля 1924 года.

«Как все люди, Махонька ходила по земным дорогам и лесным тропкам, по лугам. Но она... ещё ходила по векам русским, по дальним дорогам истории». (Ф. А. Абрамов)

Русский Север – это был последний дом, последнее пристанище былины. С уходом М. Д. Кривополеновой свершился закат былины на Севере. И закат этот был великолепным!

Список литературы:

1. Абрамов, Ф. А. Чистая книга : незаконченный роман / Ф. А. Абрамов ; публ. Л. В. Крутиковой-Абрамовой. // Нева. – 1998. – № 11. – С. 22–109.
2. Методические рекомендации к программам по литературе (региональный компонент). – Архангельск : Изд-во «Родина Ломоносова», 1994.
3. Озаровская, О. Э. Пятиречье / О. Э. Озаровская ; сост. Л. В. Фёдорова. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1989. – 336 с.
4. Пономарёв, Б. Литературный Архангельск. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982. – 191 с.
5. Скепнер, Л. С. Словесное искусство Русского Севера в литературном образовании и развитии школьников : монография. – Архангельск : Помор. гос. ун-т, 2002. – 239 с.
6. Хомчук, Н. И. Экспедиции Озаровской / Н. И. Хомчук // Прометей : ист.-биограф. альм. Т. 13. / сост. В. И. Калугин. – М., 1983.

«Жива Россия»

(беседа для старшеклассников о незавершённом романе Ф. А. Абрамова «Чистая книга»)

«Чистая книга» – пожалуй, самое проникновенное и мудрое произведение Ф. Абрамова, оставшееся незавершённым. Он думал над книгой и собирал материалы 25 лет. Первые заметки были сделаны в 1958 г., а первые главы будущей книги написаны начисто в 1983 г. Смерть оборвала начатую работу. Но остался огромный архив. Писателем были уже продуманы композиция первой книги, характеры и судьбы героев, социально-философская проблематика трилогии.

Всё это сохранилось в многочисленных заметках, планах, набросках, в письмах, интервью и документальных материалах.

В 1958-60 гг. роман был задуман только как произведение о гражданской войне на Пинеге. Постепенно замысел разросся, возник план эпопеи в трёх или четырёх книгах, охватывающий события от первой русской революции 1905 г. до репрессий 1937 г.

Запись в дневнике от 22 февраля 1978 г.: *«Во время прочёса леса на лыжах после обеда родилась дерзкая мысль написать трилогию о России. Первая книга – Россия перед революцией, вторая книга – Россия в гражданской войне, третья – 1937 г. Резня. Контрреволюция. Самодержавие в пролетарских одежках».*

События должны были разворачиваться на Севере, на Пинежье, куда прибыли ссыльные после поражения революции 1905 г. (Пинежье в нач. XX в. было местом политической ссылки).

Книга должна была вместить весь жизненный и духовный опыт Абрамова, его многолетние размышления о судьбе России, о русской истории, русском характере, о путях развития России и всего человечества, о сложной природе человека, о смысле и назначении человеческой жизни.

Ф. Абрамов долго искал название задуманной книги, название пришло неожиданно и не без помощи друга Фёдора Мельникова (университетский друг, художник).

Запись в дневнике от 28 мая 1978 г.: *«Вечером, после ужина, гуляли по заливу, разговаривали о «Доме», а потом я перебрался как-то к своим замыслам о книге, посвящённой дореволюционной России. Стал рассказывать придуманную легенду о берестяной книге, написанной Аввакумом в яме, незадолго до сожжения, сказал: – А что если назвать роман «Берестяной книгой» или «Белой»? – «Чистой», – поправил Федир.*

И тут мы... сразу поняли, вот название, которое давно ищем. Очень ёмкое, оригинальное и в то же время моё».

Запись в дневнике от 29 мая 1978 г. о сути «Чистой книги»: *«Легенда: в русском народе живёт предание о чистой книге, книге, написанной самим Аввакумом незадолго до казни. Чистая книга написана в кромешной темноте, в яме, но она вся так и светится, потому что она написана святым человеком.*

Человек, сподобившийся прочитать эту книгу, прозревает на всю жизнь. Из слепого делается зрячим. Он постигает всю правду жизни, и он знает отныне, как жить и что делать.

Но чистая книга даётся только чистому человеку. И до неё надо дорасти. Отсюда – принцип личного самосовершенствования.

Чистая книга живёт в народе. Она может быть в груди старых газет, которые лежат у тебя под божницей. Но её не

прочитать каждому. Она даётся или дастся только чистому человеку. Задача – стать чистым, стать достойным Чистой книги.

В легенде о Чистой книге вся Россия, весь русский человек со своими сильными и слабыми сторонами. Сильная – стремление к чистоте, к праведной жизни. Слабая – надежда на чудо. Не сам человек делает жизнь, а надеется на других...»

Суть замысла «Чистой книги»: показать движение заблудшего человека к Богу.

Абрамов был очень увлечён работой над «Чистой книгой» и считал, что это будет его лучшая вещь, полагал, что книга о прошлом станет книгой остросовременной, ибо корни происходящего надо искать в спорах и делах людей начала XX в.

Запись в дневнике от 25 февраля 1980 г.: *«Надо постараться, чтобы в книгу вошли все основные народные типы – как социальные, так и психологические».*

В книге должны были предстать все социальные слои русского общества: крестьяне (богатые и бедные), купцы, лесоторговцы, промышленники, революционеры всех мастей, народническая интеллигенция, духовенство.

Перед нами предстают люди разных убеждений и верований, разных устремлений. Одних увлекала революция, других – путь обогащения, третьих – теория малых дел (ещё Гоголь в «Ревизоре» сказал: «Бери метлу и мети свою улицу»), четвёртые искали праведной, чистой жизни.

Это люди с разным достатком (дома по рядам расположены), с разными жизненными взглядами и принципами. Есть такие, «кому жизнь не в жизнь, если кругом не плачут» (Пашка), другие готовы жертвовать собой ради людей (Савва, Федосья, Махонька, Огнейка). Для третьих жизнь – это труд (Иван Порохин, Необходим, Иван Гаврилович и Олёна Копанёвы: «Жизнь – это сено ставить, сеять, жать... Хочу работать, потеть. Ветерком обвеяться. Да мне без работы и жить не надо»). Есть так называемые «лошадники», «погорельцы», которые народную беду в промысел обращали. Писатель хотел показать, какие цели, какие идеалы двигали людьми и отдельными партиями. Он хотел приобщить читателя к главному: каким должен быть человек, его душа, его помыслы и деяния, «как жить свято», по совести.

По охвату событий, по глубине проблематики, по разнообразию характеров, по осмыслению истории России и человеческих судеб «Чистая книга» могла бы стать одной из лучших книг XX в.

Круг проблем, затронутых автором, не может не взволновать читателя:

1. Главная задача России – научиться работать. У нас нет культуры труда. Причины: рабский труд, непосильный труд, труд не ради красоты, а ради куска хлеба (порой детей наказываем трудом). Любимые русские пословицы: «Работа не волк, в лес не убежит», «Дурака работа любит», «От работы кони дохнут» и др. В русской литературе опозитизированы странники и Иванушка-дурачок. А те, кто работал ради красоты, почитались чудаками.

2. Предназначение России – соединять небо и землю, отрывать, поднимать человечество от земли к небу. Давать негасимый свет миру. Русские – самая светоносная нация.

3. История России – это искание путей справедливого устройства народной жизни. Одни (славянофилы, Достоевский, Толстой) уповали на духовное, нравственное обновление человека. Другие (разночинцы, марксисты) – на социальное возрождение. Задача: соединить эти 2 пути.

4. Почему Россия никогда не будет устроена. Беды наши в характере русского человека. Нам не хватает деловитости. Русский человек – бродяга, странник. Устроили великое государство, но не обжили его. Нам мало устроить свою жизнь, решать свои проблемы. Нам надо, чтобы у соседа было хорошо. Мы поборники и носители идеи всемирного братства, поэтому создаём великие духовные ценности, но не научимся делать товары, которыми торгуют на мировом рынке. Наш экспорт – духовный хлеб, но за него не платят денег. Нам надо вооружать другие народы, светить человечеству, вносить вечное беспокойство, неудовлетворённость в души других народов. А это невозможно без страдания и постоянного самообновления. Перемололи Азию, тем самым спасли Европу, и сами в какой-то мере стали азиатами. А великое рождается на стыке. Гибрид обладает наибольшей устойчивостью. От России надо ждать чуда, решающего слова для человечества. Благополучные, сытые народы великого не создадут.

5. Интеллигенция и народ. Очень важна роль интеллигенции на Руси как культурного слоя страны. Им надлежало «сеять разумное, доброе, вечное», просвещать народ, насаждать культурный быт, опираясь одновременно на лучшие вековые народные традиции. Поэтому в «Чистой книге» писатель хотел объединить культурные потоки народной среды и интеллигенции. А это могло быть осуществлено, по его мнению, земством.

6. Христианство и марксизм. Христианство предлагает рай в загробной жизни, а марксизм предложил рай прямо сейчас, сиюминутно, в этой, земной жизни. И изголодавшаяся по нормальной жизни русская душа ухватилась за идеи свободы, равенства и братства. Ошибка К. Маркса в том, что он в своей теории не учёл

человека. Все просчитал: производственные отношения, товар и т. д. А человек у него идеален, в то время как самое главное здесь – человек со своей сложной натурой, сложным устройством.

7. Роль церкви: двоякая

а) положительная – объединила Русь.

б) отрицательная – научила человека умирать, но не научила жить; человек воин, а не личность; прежде умирать, а не жить.

Не всегда человек должен идти к церкви. Иногда и церковь должна идти к человеку. Абрамов хорошо понимал роль церкви, соборной молитвы в нравственном очищении людей. Во время молитвы происходит взаимодействие верующих людей, и в этом духовном костре выгорают все человеческие мерзости.

8. Талант и гений: в России больше гениев, на Западе – талантов. У нас очень сложная жизнь, условия, поэтому выдвинуться может только гениальный. Все гениальные и талантливые люди всегда решали высшие вопросы бытия, находились, жили над остальными, в высших сферах. А повседневную жизнь творят бескрылые и серые люди, именуя себя государственными мужами.

9. Диктатура пролетариата. Диктатура – это подавление и ненависть. Страшна любая диктатура. Но страшнее всего диктатура плебея.

10. Историческая память: никого, ничего не чтим и не помним и всех прощаем. И гибнем от крайности всепрощения. Прощать – это хорошо, по-христиански, но надо при этом извлекать уроки. А нас только прощать да умирать научили. И этим пользуется всякая нечисть.

11. О русском характере, о характере северян: соединяются два взаимоисключающих начала: с одной стороны – размах, широта (северные просторы, масштабность), стремление к воле, к просторам. С другой стороны – тихость, смирение, соборность, артельность, особое ощущение братства (осознание своей безграничной малости перед силами морской стихии).

Русский характер – полёт духа, ширь души, тяга к новым и новым далям, отсюда и невероятные размеры русской империи.

Всё в русском характере: и наши беды, и наша красота (бескорыстие, непрактичность), и странничество, и бродяжничество, и извечные мечты о царстве Божиим на земле и поиски его отдельными лицами и целыми деревнями: Переселение в Сибирь, поиски Беловодья...

12. О герое русской литературы. У нас нет ни одного положительного героя, который бы прославлял любовь к делу. Русская литература воспитывала читателя в презрении к делячеству и практицизму, которое переходило в неприязнь ко всему

практическому, деловому. Все любимые герои русской литературы «душестроители». Единственный положительный герой Штольц (и тот с немецкой фамилией), но он лишён того душевного ореола, которым освещён Обломов, т. к. Обломов сердце сохранил. Деловитость всегда связана с потерей сердечности.

13. Революция – это не путь России. Нас назад отбросило монголо-татарское иго, революция снова отбросит назад, и Запад будет на нас зарабатывать. Наш путь – эволюция. Революция – разрушение всех материальных основ жизни (экономики и культуры). Она принесла нам всеобщую разруху и одичание, а гражданская война – братоубийственную резню. Под видом кулаков уничтожили работающих крестьян, интеллигенцию, духовенство. Осталась одна голытьба да нероботы, для которых труд – наказание.

Именно в революции истоки злодеяний сталинского режима. В годы гражданской войны были посеяны страшные семена насилия, и это дало страшные всходы. Одна из бед революции – упрощённо-классовый подход к человеку. Были отброшены как таковые человеческие качества. Всё решала классовая принадлежность. Если принадлежишь к имущему классу, значит, враг, обречён. Если бедняк – мандат на святость, ход в жизнь.

Однопартийность приводит к вождизму. Судьба страны, народа становится в зависимость от качеств одного человека. Под знаменем революции можно было творить самые чудовищные дела.

Русская революция началась с отрицания искусства. Очень знаменательно! Это отрицание искусства и красоты есть отрицание самой жизни.

14. Социализм. Это хорошее будущее для человечества, но не годится одна модель для всех стран. Социализм должен быть национальным, т. е. с учётом исторического и духовного опыта своего народа, особенностей его национального характера.

15. Старообрядство. Писателя интересовала история староверов, их взаимоотношения с монастырём. Почему их преследовало царское правительство? Ведь староверы – самая работоспособная, самая порядочная, самая предприимчивая часть русского народа. Не пьют, не курят. Не работать – грех.

ПОРОХИНЫ

В центре повествования – семья Порохиных: Федосья, Иван, Агния (Огнейка), Гунечка (Сергей), Савва. Федосье, как и Махоньке, не повезло с мужем. И пришлось ей в этой жизни работать не только за себя, но и за мужика, одной поднимать детей. Но не очерствела, не обозлилась. Обеих отличает душевная теплота, доброта,

человеколюбие. И это несмотря на то, что в деревне осторожное и недоверчивое отношение к семье Порохиных («икотники»): «К Порохиным по целым дням никто не заходил, если не считать соседского мальчика Олешеньки-горбатого».

С приходом Махоньки в дом набивается целая толпа людей (и детей, и взрослых) послушать сказки и небывальщины.

Порохины сами живут впроголодь, а детишек угощают репой, которую обычно все берегут на конец Великого поста, «когда людей вплоть до шатуна вымотает постная еда».

Федосья на зло отвечает добром, соблюдает христианские заповеди. Обижали их порой так, от нечего делать, ради забавы. А Федосья лечила этих людей «травами да Божьим словом».

САВВА ПОРОХИН И ОЛЁНА КОПАНЁВА

Сильные и сложные характеры, оба гордые и трудолюбивые. Савва похож на былинного богатыря: высокий, сильный. Олёна: первая красавица на деревне, статная, смелая (пошла против мнения матери и всей деревни). Стала она Савве невенчанной женой. Не хотели её родители (особенно мать), чтобы их дочь пошла замуж за «икотника». Узнав о её беременности, прогнали из дома. Ушла Олёна жить к Федосье, там и умерла при родах. Не сложилось личное счастье этих двух людей. Савва примыкает к ссыльным. Теперь они стали его солнцем, а не Олёна. Ссыльные восхищаются им. Ведь они ради справедливости голову свою клали на плаху. Благодаря им почувствовал в себе человека Савва. Благодаря им возвысился. Новыми глазами стал смотреть на людей. Олёна ненавидела ссыльных: они отняли у неё любимого.

Так Абрамов вводит в роман тему любви, за которую «надо биться, собою жертвовать».

ИВАН ПОРОХИН

Брат Саввы и полная его противоположность. Ваня для Порохиных – чудо, человек из другого мира, сказочный волшебник, который может в одну минуту изменить жизнь. Обладавал «Божьим даром», математическим даром. Культ Вани в семье поддерживала мать. Иванушко был ласковый, другие дети, Савва и Агния, в отца – жестокие. Федосья больше всего боится за Ивана: он больших возможностей, умный, гордый, любознательный, обаятельный, скрытный, чистое, красивое лицо. Но куда пойдёт?

Перед отъездом к Щепоткиным (нанялся счетоводом) Савва даёт ему жизненные наставления:

1. Чтобы то, что внутри, не видели.

2. Человека ценят не по роже, а по делам.

Служба у Щепоткиных в корне изменила Ивана: приезжает домой жестокий, с холодными глазами человек. Не такой, каким отправляли: грубость, пренебрежение, не способен к покаянию (перед отъездом каялся перед человеком, на которого бросился с ножом, а, приехав, взял силой учительницу, с ужасом думал о том, что произошло, совсем недолго, дальше – плевать); неистовый разгул.

Именно Махонька даёт Ивану верные жизненные советы. Иван преображается. Понимает, что тот путь, который выбрал Савва (связался с грабителями, стал государственным преступником, в родной деревне устроил бунт, кровь пролилась) к хорошему не приведёт, т. к. лежит через братоубийственную войну и разрушает материальные основы жизни – культуру и экономику. Савва – разрушитель жизни, а Иван – строитель. Он понимает, что мечты ссыльных о переделке русской жизни – химера. Нельзя до основания разрушать старое, в нём есть что-то полезное, да и революция 1905 г. показала, как русские умеют разрушать. Разрушим. А кто строить будет? Ведь революция и строителей разрушит.

Останутся одни пьяницы и бездельники, для которых труд – наказание, каторга. Ему с ними не по пути. Он хотел дело делать, работать. Приходит к пониманию того, что путь обновления России не через революцию, а через дело. Он сам хотел созидать, строить, ошибаться.

Первоочередная задача России – научиться работать. А революция сметёт талантливых людей. Эту веру – работать, работать! – Иван пронесит через всю жизнь. Он принимает февральскую (буржуазную) революцию, но против октябрьской, которая принесла всеобщую разруху и одичание.

Большое влияние оказывает на Ивана Необходим (управляющий у Щепоткиных) – воплощение здорового и практического ума. Много говорил с ним о жизни, о месте человека в жизни. Верил, что Савва вернётся к труду, истоскуется по работе. Как и Олёна, он считал, что жизнь – это работа: «Работа – краса. Посмотреть можно, в руках подержать».

Иван увлекается идеей земства и самоуправления. Приходит к пониманию того, что делает одно дело с Саввой, но разными путями. В итоге Щепоткины отдают Ивана в солдаты.

Трагическая судьба братьев завершается во второй книге, которая посвящена гражданской войне на Пинеге. Савва – в стане красных, Иван – белогвардеец. Савва – каратель, иступлённый большевик. Иван не расстреливает пленных, отпускает, поэтому популярен. В плен к Ивану попадает сам Савва, его приговаривают к

расстрелу. Иван сам ведёт расстреливать и отпускает брата. Даёт ему пистолет, но Савва не берёт его. Говорит Ивану, что, если у него будет пистолет, он его убьёт. Иван – его злейший враг.

– А не хватит ли, брат, крови? Ради чего мы вытоптали цвет нации, цвет народа?

СЕРГЕЙ ПОРОХИН (ГУНЕЧКА)

Светловолосый, светлоглазый мальчик, худющий, сама доброта, любил монастырь, церковное, соблюдал пост, молился, готовил себя в монахи, любил Божественное. Мир, лад вносил Гуня – единственный светлый лучик в этой грязной жизни. Его приход согревал душу, но и вызывал тяжёлые приступы раскаяния.

Началась революция, и Гунечка всем сердцем прилепился к ней. Хотел на земле царство Божие установить: Бог – Любовь, Справедливость, Братство. Ему были близки идеалы революции: свобода, равенство, братство.

Записался добровольцем в 18 лет. Убит в первом же бою, привезли в родную деревню маленького, смёрзшегося, с вопрошающе поднятыми бровями: как такое могло случиться? Почему убили? Меня, такого верующего?

Смерть Гунечки потрясла деревню Копани. Сколько умирало, вроде привыкли, а тут – ужаснулись.

ОГНЕЙКА (АГНИЯ)

Очень живая, бесхитростная. Большие, вечно смеющиеся глаза, большой, постоянно улыбающийся рот. Резвая, весёлая. Золотое, простодушное сердце. Доверчивый, бесхитростный взгляд.

В Огнейку влюбился заброшенный родителями Олёшенька горбатенький. После свадьбы Огнейки он накладывает на шею петлю.

Повествуя читателю о детстве Огнейки, Абрамов рассказывает о том, как воспитывалась деревенская девушка, чему её учили, к какой жизни готовили. Автор сравнивает первые игрища (сельский бал) деревенской девушки с первым балом Наташи Ростовской. Сельский бал – экзамен на девичество.

Огнейка, спасая брата Ивана от армии (без пользы), выходит замуж за Ефтю Дурынина (жертвенность русской женщины). Он, как только может, издевается над ней, унижает. Ефтя по натуре садист.

Свёкор Максим добрый. Мир, в который попала Огнейка, древнее благочестие и скоморошьё гнездо. Она вся в работе. Замужество для неё – тюрьма. Муж уходит в солдаты. Месть за

унижения – разгул. Агния – пропащий человек. Мать родную не признаёт, сама себе противна.

В детстве Огнейка была влюблена в политссыльного Юру Сорокина. Происходит вторая встреча. Она на фронте выхаживает его, больного тифом. Молится за спасение Юры, просит Бога взять её никчемную душу вместо его (жертвенность и любовь). Уезжает с Юрой.

В 30-е гг. у Агнии и Юры сын и дочь, преданные комсомольцы. Отец для них бог, живой дух революции. И вдруг – он враг народа.

Иван Порохин бежал за границу. Юра, будучи за границей, встречался там с ним. По приезде рассказывал о встрече. Его вина – связь с врагом.

Дочь Юры отказалась от него. Сын порывает с сестрой, но от отца не отрекается. Незадолго до войны едет на родину матери (дер. Копани). Побывал в молодости родителей.

МАХОНЬКА

Наряду с семьёй Порохиных центральное место в книге, и притом самое важное в нравственно-философском смысле, занимает Махонька (прототип её – великая пинежская сказительница Марья Дмитриевна Кривополенова). Фигура Махоньки в книге богаче и сложнее реального прототипа. В ней нашли воплощение размышления автора о безграничных возможностях человека, о духовном богатстве, силе духа и нравственной чистоте одарённой личности. Писатель называет её «мерой всех людей».

В ней соединено 3 начала: языческое, христианское и революционное.

Равнодушна к богатству, ибо богатство не в сундуках, а в самом себе. Если нищий духом – беден, хоть золотом осыпь. Богатство – Божья краса (богатство изнутри). Сколько в человеке богатства, настолько он и богат. Неграмотна, но духом выше всех грамотных. Никакой жадности и зависти к богатству.

Расхаживая по дорогам истории, как птица летала из века в век. В ней умещалась вся память нации, весь исторический опыт народа. Махонька – путь человечества, в ней уплотнена вся Россия. Легко, весело несла она свою нищету. Привяжи её к дому – она всё проклянёт и жизни не рада будет. Встреча с новыми людьми каждый день – стало её потребностью. И потребностью стало рассказывать людям сказки, петь былины, песни. Махонька вносила радость в скудную крестьянскую жизнь. Для Порохиных она свет в оконце. С её уходом перестали к ним заглядывать соседи. Начались будни. А с Махонькой был праздник, для Федосьи она – духовная поддержка.

Особенно тянулись к Махоньке дети. Всё для неё было живым (растения и звери), со всеми разговаривала, только вот они-то с людьми не хотят разговаривать. Настоящее, быль у неё часто переплеталось со сказкой.

По-своему относилась Махонька к религии, монастырям, иконам, священникам. Не всех святых и священников любит. Любила Миколу Чудотворца, Богородицу, Егория Победоносца.

Всего было напихано в Махоньке: от ребёнка, от взрослого, от праведницы, от скомороха, от бродяги, от бабушки в избушке на курьих ножках, от вещей старушки. И по виду: живая, во плоти, а в то же время и сказочная. Реальная и нереальная. Над ней посмеивались. Её побаивались.

Из природной любознательности сближается с ссыльными. Высоко ценил Махоньку Юра Сорокин. Она для него – образец человека. В этой полуграмотной старухе наиболее полно реализовалась идея человека. Она человек в высшем смысле. Она даёт Юрию Сорокину богатейший материал для размышлений о человеке, об истории, о путях развития человечества.

«Разные люди, разные судьбы, разные поиски смысла жизни. Крестьяне, странники, скоморохи, староверы, интеллигенты разных мастей. И среди них Махонька. Ей всё интересно, всё любопытно. Она ко всем льнёт и всех одаряет своим искусством... Она счастлива. Её вполне устраивает своя судьба, своя жизнь.

Она знает – не умом – всем существом своим: как ни переделывай жизнь, ничего не сделаешь. Всё зависит от того, какой ты сам. Счастье в тебе самом. Важнее себя на правильную дорогу поставить.

Поразительно: у Махоньки, у неграмотной Махоньки, свой широкий и самый правильный взгляд на мир, на жизнь, на человека.

Махонька, как Платон Каратаев, но только во плоти.

На замечание ссыльных о том, что они хотят помочь бедным, чтобы такие, как она, не были нищими, Махонька отвечала:

– Ну, я-то не нищая. Самая богатая. Все леса, все небеса, все земли мои. И в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Хорошая жизнь не через кровь. На крови ничего хорошего никогда не рожалось.

По дорогам истории она так же легко и свободно расхаживала, как по своим пинежским».

Особенно радовался Абрамов, когда нашёл финальную сцену в судьбе Махоньки: «Гражданская война, мрак над Россией, кровавая резня, и вот она ищет помощи у соседей (хочет подвигнуть их), а соседи парализованы страхом. И тогда Махонька за подмогой идёт в прошлое, в прожитые века. Но там везде – и у князя Владимира, и у

Ивана Грозного – русская беспечность, пьянство. И тоже междоусобицы. И народ беспечен.

На путях-дорогах встречает лишь попка (молитвенника народного, похожего на Аникия), который молит Бога о просветлении россиян, о том, чтобы Господь не допустил гибели России.

И что делает Махонька?

Она отправляется на поле брани, чтобы примирить враждующих, хочет спасти людей. Излечить от болезни безумия, которой они заражены. А как иначе назвать это – убивать людей? Самое святое, самое дорогое на земле. Она полна надежды. Уж её-то послушают! Кто воет? Да ребята, которым сказки сказывала. Самый слёзный плач выбрала. Раньше вздыхали и плакали, а теперь головы не повернули к ней.

И тогда она своими обычными, сегодняшними словами хочет пронять враждующих. Вроде стихла стрельба...

А потом подстрелили те, кому её голос был непонятен, невнятен. Это хорошо, если её смертью будет поправа смерть. А вдруг да в озверевших людях проснётся человек».

Махонька – гениальная натура, высший тип личности. Светом её мудрости оценивается в книге всё происходящее. К ней тянутся и крестьяне, и лучшие, взыскующие правды интеллигенты.

Чистая жизнь, чистые люди, как маяки: Махонька, батюшка Аникий, молодой Артемий, Гунечка, Иван Гаврилович Копанёв. А рядом люди, ищущие чистой и праведной жизни (Юра Сорокин, братья Иван и Савва, врач Полонский, учитель Калининцев). И много других, которые заблуждаются, ошибаются и нередко очищаются страданием: Олёна Копанёва, Огнейка, Максим Дурынин.

МОНАСТЫРЬ

Ф. Абрамов хотел ввести в книгу главы о монастырях Севера, их роли в освоении северных земель. В его архиве сохранились материалы по истории Веркольского, Сийского, Сурского, Красногорского монастырей, об Иоанне Кронштадтском, о протопопе Аввакуме, о чудесах Артемия Праведного, о Сергии Радонежском, Андрее Рублёве, об иконах и иконописи.

КОПАНЁВЫ И ДУРЫНИНЫ

Эти две семьи не только разными нитями связаны с Порохиными и монастырём. В их среде тоже вырастают сложные, разные по характеру и устремлениям люди, часто трагической судьбы.

КОПАНЁВЫ

История семьи: четыре сына и одна дочь Марья. Зажили с расчисток. Все четверо взрослых сыновей погибли (одного убили на русско-турецкой войне, другого завалило деревом на расчистке, двое утонули вместе с лошастью на переправе). Родители не выдержали: умерли за один год. Осталась одна Марья и выбрала себе в женихи самого работающего Ивана Гавриловича (нет роста, ноги кривые, а сила – лешего своротит). Самое красивое – глаза – добрые. Всегда ровное настроение, тихий, всегда жизнь в удовольствие, всегда праздник. Видел красоту в природе. Не жил суетой человеческой. С природой жил, отдыхал на работе. Для него работа – праздник! Смысл жизни находил в поэзии крестьянской жизни. Мудро подчинялся земле, её требованиям (как крестьяне Глеба Успенского).

За страду сильно худел, высыхал от работы. Вся одежда на нём висела. Работу начинает – ворот на шее не сходится, т. к. за зиму поправлялся. А бедняк? Худеет зимой, т. к. жрать нечего, а за лето поправляется. Жалел он голытьбу не за то, что у них ничего нет, а за то, что они не ведают радости от работы. Обокрали себя, нищие духом. Он берёт весь мир, а они – сотую часть, и какая бы ни была власть, так они с соткой в руках и останутся.

Жалел Олёну, корил себя за то, что не защитил родную дочь, не прикрыл своей грудью. Решил оставить память о ней в людях. До конца дней трудился, болото осушал, хотел назвать Олёниным. Семья отворачивается. Возмущённые сыновья выгоняют его из дома в боковую избу, где он и жил. Не бросил работу и в гражданскую войну. Гремят пушки, идёт бой, а старик в белой рубахе каждый день с лопатой на плече идёт осушать своё болото.

ДУРЫНИНЫ

Ещё более чем Копанёвы разнородная семья: два брата – Фёдор (молчун) и Максим, сыновья Фёдора – Артемий и Ефтя (от разных жён).

На примере Дурыниных Абрамов хотел поведать историю старообрядчества на Пинеге (в романе – Ельча).

В семье Дурыниных существовало предание о том, что прощальное письмо («белая грамота») протопопа Аввакума было передано на Пинегу и в Мезень. Царские власти долго искали эту грамоту, пытали людей, а она объявлялась то в одном, то в другом месте. Максим Дурынин утверждал, что видел её у своего деда. Дурынины гордились этим. Дед не выходил из тюрьмы, хаживал в Пустозёрск, видел место казни Аввакума.

Старообрядчество было легализовано в 1905 г. И сразу же его бурный всплеск. Дурынины считали себя мучениками. Первые открыто стали молиться, отсюда и распри с монастырём.

Дурынины жили каждый сам по себе, у каждого свои увлечения. Общее – неприязнь, ненависть к монастырю. Артемий – овца паршивая.

МАКСИМ – всё перемешалось в нём: древнее язычество, христианство, блуд, звериное понимание природы и наделение её нечистой силою. Весь в метаниях: блуд и праведность, матерщинник и желание чистоты, фантазёр (хочет жениться на принцессе, ищет клады), скоморох и влечение к святости и добру. Скрытая мечта – возврат к раю (неприятие этого мира антихристово). Охотник, любил лес. Грешил, а очищался в лесу. Замаливал грехи ещё дома – мылся в бане, просил прощения у всех, срывался, уходил в лес, вёл праведную жизнь отшельника. Лес для него самый великий, самый святой храм. И вступал в него чистый телом и душой. Мылся в ручьях, пел псалмы.

После посещения Пустозёрска вернулся другим человеком. Говорил только о вере, о святых, об Аввакуме.

Всё мечтал спалить себя, очиститься в огне. Когда началась гражданская война, он сжёг себя, все думали, что несчастье. Одна Огнейка знала, что он это сделал сознательно.

ЕФТЯ – воплощение всего дурного в роду: эгоист, циник, лицемер, игрок. Внутри него клокочет извечный гнев народа против бар. Для него и учитель – барин. Он и его презирает. Ненависть к барам – это единственное искреннее, что есть в нём. Трётся вокруг всех, кто против власти. Вхож к ссыльным (они его считают своим, но это видимость), вхож к начальству (оно на него рассчитывает). Одни смотрят на него как на жертву, другие – как на представителя пробуждающегося народа, третьи – как на шпиона. А он ни с кем, гнёт своё и всех презирает. Испоганил жизнь Огнейке.

АРТЕМИЙ держится в семье Дурыниных особнячком, целиком поглощён поисками чистой и праведной жизни. Просил отца отпустить его в монастырь. Отец и дядя ругали его – отступник от старой веры. Он чужой человек в своей семье. Дома жил мало, больше в Суре. И душа другая, и одет лучше, интеллигентен. Молельник. Ездил по монастырям. Побывал на Соловках и там по совету одного монаха стал собирать материал об Иоанне Кронштадтском на его родине.

Разочаровывается в монастырской жизни, видит греховность монашек. Жизнь его кончается трагически. Огнейка смеётся над ним, заигрывает, тот стыдится, как девушка. Она соблазняет его. Он в ужасе, но грех сладок. Свёкор избивает Огнейку, и та отталкивает Артемия, который, не найдя выхода, покончил с собой.

КУПЦЫ ВОЛОДИНЫ И КЫРКАЛОВЫ

Пинежское купечество, пинежские богачи должны были занять значительное место в книге. Большею частью купцы фигурируют в заметках под реальными фамилиями. Лишь в последние годы Володины именовались в романе Щепоткиными, а Кыркаловы – Рыкаловыми.

Писатель отталкивается от реальных судеб и характеров, от реальных ситуаций, от архивных документов, которые он изучал в Архангельске и Карпогорах.

В родословной всех пинежских купцов и лавочников нет ничего оригинального. Первые шаги связаны с преступлением («Трудом праведным не наживёшь палат каменных»).

ВОЛОДИНЫ

Много ходило слухов о том, как разбогатели. Один из них: старик Володин ограбил и убил в тайге торговца пушниной.

Братья Володины не отличались большой грамотностью, но в уме могли скалькулировать не хуже всякого экономиста.

«Раньше Пинега стояла на земле ровно, как на подносе. А выгнулась она позже под тяжестью володинских каменных домов и миллионов».

Володин – купец первой гильдии, был награждён золотой императорской медалью. Внешне патриархальный, следил за новыми веяниями в торговле. Он первый из купцов основал свою компанию и включил в неё своих служащих (демократизация). Служащие не слуги, а товарищи. Цель: надежды служащих, рвение по службе, хотел отнять приказчиков от ссыльных.

Эволюция Володиных:

1-ое поколение – мужицкая хватка, в быту не отделяли себя от мужиков.

2-ое поколение – ведут дела широко, не по старинке.

3-е поколение – не хотели жить в Ельче (Пинеге), ездили по границам, после революции с капиталами выехали в Англию.

КЫРКАЛОВЫ

Люди, наделённые лешьей силой, которая от болота. Раньше братья Кыркаловы вместе с мужиками заготавливали лес. Потом один из них стал десятником у иностранцев-заготовителей, затем – приказчиком, позднее – поверенным.

Кыркаловы – самые могущественные лесопромышленники на Севере, вели торговлю с иностранцами.

У Мартына – размах. Северьян – мелкий грабитель, живёт в старом неказистом доме, чтобы поплакаться на бедность, чтобы было легче мужиков при подряде грабить.

Отравили брата Артемия, чтобы долги принял на себя, больной, всё равно не жилец.

Сын Артемия – грамотный человек, учился в Англии лесному делу. Произносит речь: «У России 2 пути: революция и эволюция. Он приверженец эволюции, т. к. революция всё в России разрушит».

Энергия Кыркаловых и Володиных во время гражданской войны иссякла. Володин торговал по привычке чем угодно и ради кого угодно. Кыркалов вербовал мужиков в Белую армию. Огромное торговое дело рушилось. К рукам их капиталы прибрал офицер Попов с хищническими страстями. Он состоял в родстве и с теми, и с другими. Дядя офицера, дьячок Попов, такой же породы и тех же устремлений. Появилась возможность в заварухе выбиться в люди. Дьячок – разве это его место в жизни.

Володины дряхлеют, Кыркаловы тоже начали заплывать жиром. На их смену приходят новые хищники.

ССЫЛЬНЫЕ

Ф. Абрамов стремился показать в книге не только разнообразие народной жизни, но и разные умонастроения среди интеллигенции, представители которой прибыли на Север, в основном, после революции 1905 г. отбывать ссылку. Писателя особенно привлекали споры и разногласия среди ссыльных. Единства не было: социал-демократы, но 2 крыла (большевики и меньшевики), социал-революционеры (эсеры) – правые и левые и т. д. А цель одна – свалить самодержавие. Эти распри – залог будущих распрей. А споры среди ссыльных всё те же, что и при боярах: кто выше, кто больше. О себе пекутся, а надо о России. Как они будут объединять народ, куда поведут, если друг с другом договориться не могут.

Ссылные, чтобы легче было жить, сбиваются в коммуну, а также хотят доказать жизнеспособность коммунистической формы жизни, той, которая станет основной в будущем, которое они собираются строить. И ничего не получилось. Переругались, перессорились.

Причины:

1. Разный вклад разных лиц в общее дело. Одни работали, как дьяволы, другие только руководили.
2. Несовместимость характеров.

3. Природа человека куда более сложная, чем предполагали.

Одни не задумывались над экспериментом, другие размышляли: если мы не ужились (передовые люди, объединённые одной идеей), то как уживутся крестьяне с рабочими.

А крестьяне, глядя на них, недоумевали, что же это за поводыри такие, если друг с другом ужиться не могут? Эдак они всю Россию перессорят!

Абрамов выделяет 3 типа мысли среди политических ссыльных:

1. **БУРОВ**: во имя народа вообще, но конкретного народа не любит. Не знает истории России, не знает русского народа и знать не хочет. Русский народ для него лишь подтверждение теории К. Маркса. Буров не силен физически, решителен, фанатичен. Этим и покорял. Имел телохранителей. Обаяние сильной личности (сталинский тип). У него всё просто, всё понятно. Терпеть не мог мудрствований, сомнений, колебаний. Ему служили верой и правдой. А в народе его не любили: непонятен, замкнут, презирает всех. До конкретной жизни ему нет дела, т. к. конкретный человек его не интересуется, для него его не существует. Всегда в себе, одинок, властная, деспотичная натура. Любит не революцию, а себя в революции. Не интересуется жизнью деревни, для него жизнь в деревне – наказание. Не деревня, по его мнению, поведёт Россию к революции. С надеждой смотрел в сторону города – он опора революции. Не работал, но охотно ел то, что доставали Вехов и Сорокин. При этом не возникало укоров совести. Он теоретик, особая личность, имеет на это право. Все ссыльные, даже уголовники, проникаются интересами деревни. Он вне этих интересов. Не живёт деревенской жизнью. Находится как бы в безвоздушном пространстве. Не видит красок жизни, мир сер и бесцветен в его глазах. Он и песен не умел петь. Для него существовал только один цвет – красный.

Дальнейшая судьба Бурова: выдвинулся в революцию, его покорила воля Сталина, ибо он ненавидел слюнтяев-интеллигентов. В душе даже Ленина презирал за это (слишком мягок, окружил себя лопухими евреями). Во времена Сталина сделал большую карьеру, тот его оценил.

Финал: во времена репрессий предал смерти Вехова и Сорокина, тех людей, с которыми был в ссылке, тех, которые его кормили хлебом, заработанным своими руками. И напрасно его умоляла Огнейка. И её, оторванную от детей, везут под стражей на север...

2. **ВЕХОВ**: деловое направление в русском народе. Играл в революцию, а самого тянуло к делу, к земле. Хотелось устроить дом, землю. Пускай это малое дело, но если я устрою дела в своём уезде, другой – в своём и т. д. (приверженец теории малых дел).

Вехов – народник, по замечанию Бурова, Микула Селянинович. Сам из Белоруссии, из крестьян. Большевиком стал позднее, в революцию. Учился на филфаке, исключили. Страстно влюблён в народ, во всё народное. Любовь его слепая, экзальтированная. Всё, что народ, – это хорошо. Он на коленях перед народом. А незрячая любовь к народу вредна, по словам Юры Сорокина. Народ нуждается не в песнопениях, а в трезвом взгляде на него. Народу надо объяснять их недостатки. Сочетает в себе страстную любовь к народу и деловитость: чинит обувь, шьёт, устраивает помаленьку быт. Негде спать. Буров занимает единственную кровать, и Вехов своими руками мастерит топчаны. Весной заводит огород, учит крестьян выращивать морковь, огурцы, поражается безалаберности местных крестьян. Для Вехова служение народу – подвиг.

3. ЮРА СОРОКИН. Без истории нельзя. У русского народа своя история, свои обычаи, и теория К. Маркса должна получить национальное воплощение.

Во многом сходится с Веховым, но он более трезво смотрит на народ. Юра одинаково не приемлет и Бурова, и Вехова. Буров – догматик, Вехов – славянофил (перед народом надо не на коленях стоять, а просвещать его). Юра стоит на позиции просветителей.

Внешний вид Юры: искренний, открытый человек; рыжий, глаза голубые, детские. Рыжие, почти белые брови, взгляд серьёзный. В глазах – бесхитростная голубизна, пухлый, большой, детский рот, очки всё время сползают. Вид Юры детски трогателен. Глаза наивные, а взгляд глубинный, пронизательный, сосредоточенный. Сутуловат от привычки думать на ходу.

Самый молодой, самый непосредственный и искренний среди ссыльных. Его путь – путь прозрения революционера-романтика в столкновении с реальной жизнью. В юности был примерным гимназистом, политикой заниматься было некогда. Надо было деньги зарабатывать (одна мать, сельская учительница, учился за казённый счёт). Родители – народники, в терроре разочаровались, поняли, что на революцию крестьянина не поднять. Единственный путь – идти в народ, учить мужика.

Отец – фельдшер (ушёл из университета). Юра его почти не помнит (умер рано от чахотки), но оставил у людей о себе добрую память. Заложил строительство сельской больницы.

Юру сослали за то, что после кровавого воскресенья сорвал в классе со стены портрет царя. В ссылке Юра – политический младенец. Всему учился заново. В Пинеге (Ельче) встретился с реальными революционерами. И что же видит: вражду между ними не на жизнь, а на смерть. Встал перед выбором: а с кем же он? (эсеры, народники, социал-демократы). В словах каждого видел правду. Все

за народ, только народ у каждого разный. Плюнул на всё и пошёл сам изучать мужика. Изучает нравы, обычаи, ремёсла, этнографию, фольклор. Ему до всего есть дело!

Его захватила красота жизни. От крестьянина жизнью пахнет. Он – жизнь. Почему они решили, что имеют право учить мужика? А если нам поучиться у него? Родился новый Юра Сорокин, путь которого с народом, с жизнью.

Учиться надо друг у друга: интеллигенции – у крестьян, у народа, у рабочих, народу – у интеллигенции!

С разрешения начальства (молодой, внушает симпатию с первого взгляда) едет в Чаколу для знакомства с Махонькой, встречается с Иваном Порохиным.

Образ Юры построен на противоречии между жизнью живой и веригами мёртвой теории. Благодаря встрече с Махонькой ему открывается русская история, русский человек; посещает и монастырь. Отбрасывает все предвзятости на пути познания жизни. Всё надо знать, в том числе и религию. Знакомится с настоятелем Варсофонием. Служба в церкви поражает его: вот образец духовности и бескорыстия. Беседует с Варсофонием и разочаровывается: слова расходятся с делом, живёт в роскоши. И в церковь проникло золото.

Чувствует некую раздвоенность: должен был видеть угнетение, эксплуатацию, а он упоён жизнью. Отсюда и самоупрёки: плохой революционер.

ДНЕВНИК ЮРЫ СОРОКИНА

Раздумья над тем, чем питается северный мужик, почему у него нет цинги (питание – капуста, ягоды, грибы).

Белые ночи – разумно устроено, большое хозяйственное значение. Раньше представлял себе Север диким, тёмным, а на самом деле наиболее развитый край России (были даже крестьянские библиотеки).

О северянах: страшные обстоятельства жизни, но какие люди! Люди, человек, характеры – вот здешнее солнце. Солнца долго нет, а от людей свет. В них спрессовано солнце, доброта, тепло. Так и должно быть, иначе в таких условиях не выжить.

Качества северян:

1. Нет замков в домах (доверие к окружающим).
2. Честность – отношения не на бумаге, а на слове.
3. Здравуются с каждым.
4. Всегда накормят, напоят.
5. Чутки к запахам, равнодушны к цветам (практическая необходимость – охота).

6. Северное гостеприимство (от патриархальной старины).
Почему киевские былины нашли пристанище на Севере:
1. Не было крепостного права.
  2. Героизм былинных богатырей сродни северянину (помор живёт в непрерывной борьбе с природой).
Наяву увидел хоромы, дворцы, сени, горницы. Думал, что только в былинах о них поётся.

Дома старинные – деревянные поэмы, церкви и соборы – торжественный хорал, пламенная песнь из дерева, молитва красоте.

Юра словно заново родился, шоры спали с глаз: раньше всё к теории подгонял, а теперь у него широкий, самостоятельный взгляд на всё.

Как можно заниматься революцией, не зная народа? Как можно служить кому-либо, не постигнув своего внутреннего я? Нужно обладать внутренним светом, чтобы можно было поделиться им с другими.

Свой дневник Юра Сорокин оставляет Огнейке.

Главные противники революционеров-разрушителей интеллигенция, просветители-культурники. Каждый из них врачует особую область в народной жизни.

1. Врач Полонский (из бывших ссыльных).
2. Учителя Литвинов и Калининцев (реальные люди).
3. Батюшка Аникий.

ВРАЧ ПОЛОНСКИЙ

Врач, «забросивший» революцию ради помощи бедным и сирым. Был ярким сторонником революции. В ссылке увидел невежество, нет больницы, люди умирают. Без сердца нет революции. Революция – это любовь к человеку, который живёт сейчас. Он решил, что не имеет права смотреть на народное горе со стороны. Должен помочь им сейчас, не откладывая на завтра. Христианская любовь к ближнему победила революционность. Он собирает средства и строит больницу в Ельче (Пинеге). Отдаёт всего себя на сборы денег для строительства, терпит унижения от богачей, когда собирает средства, льстит, зарабатывает себе болезни.

Революционеры-профессионалы не любят его, считают, что он отвлекает народ от борьбы. Для них он препятствие на пути революции. Революционеры перетягивают на свою сторону молодёжь, заражают её разрушительными идеями. Это оказывается ей ближе, чем идеи культурничества и просветительства. Ведь первые предлагают блистательные лозунги (свобода, равенство, братство), а другие – работа, работа...

Интеллигенция считала своим долгом в сёлах, деревнях сеять разумное, доброе, вечное. Эту интеллигенцию тогда немногие ценили. Большевики не воздали ей должное (не придавали значение культурно-просветительской работе в деревне). Малые дела, по их мнению, отвлекают от революции. Только потом революция кровью расплачивалась за бескультурье.

Во время войны больницу сжигают. Врач на пепелище решает начать всё сначала. И утверждает в том, что единственный путь России – путь культурного развития и избави Боже от революции в масштабах страны. В гражданскую войну эти же самые ссыльные будут судить его за то, что отвлекал народ от революции своими больницами. Трагическая фигура! Извечная трагедия русского интеллигента, желающего помочь народу. И сам народ не больно ценит, и ненавидят левые экстремисты.

Рядом с ним учитель **КАЛИНЦЕВ**. Оба из народа, оба за народ. Только один был сослан, а другой – по своей инициативе, по убеждению. Их девиз: какая бы революция ни произошла, а без больниц и школ – никуда!

АНИКИЙ

Этот сельский священник предстаёт в книге самой светлой личностью, чистой и праведной. Он исполнен благочестия, доброты и любви. И в какой-то мере противопоставлен обитателям монастыря. Образ Аникия дан в восприятии Федосьи и Махоньки.

Для Махоньки Аникий – Божий барашек, ангел, спустившийся на землю и позабытый на земле. Любовь от него, ангельская доброта, великое очищение, потому что душой служит. Как блаженный, голосок ангельский.

Аникий – единственный человек, в котором Федосья находит опору. Она верила ему, он верил ей, пытался расположить в её пользу прихожан (говорил о вреде суеверий). К нему она всегда обращалась за советом. В гражданскую войну Аникий стал настоятелем монастыря, который даже большевики не рискнули обстрелять.

На страницах романа очень часто возникает имя Л. Н. Толстого. Первые сельские игрища Огнейки Абрамов сравнивает с первым балом Наташи Ростовской, Махоньку – с Платоном Каратаевым. Писатель придерживается толстовского принципа личного самосовершенствования. Именно это, по его мнению, спасёт Россию.

Вслед за другим классиком русской литературы, Ф. М. Достоевским, автор показывает несостоятельность искусственно созданной теории (параллель: теория Раскольникова – марксизм).

В самом конце книги помещён спор Абрамова с Достоевским о том, что же спасёт мир: Достоевский – красота, Абрамов – чистота. По мнению Фёдора Александровича, красота может быть страшной, а чистота всегда красива и благодетельна, благотворна. К чистоте надо вернуться.

Лучшие люди должны стоять во главе жизни и управлять страной. Историк Вас. Ключевский сказал: «Отличительная способность великого народа – встать на ноги после падения». Мы это сделали в самом начале Великой Отечественной войны, мы это сделаем и сейчас.

Ф. Абрамов постоянно внушает читателям: мы не бессильны. Каждый из нас может противостоять злу словом, делом, добротой, чистотой помыслов и устремлений.

Пока есть искусство, пока есть Махоньки, Лизы (Пряслина), которые несут в себе историю, Россия не пропадёт. Она пустит свои корни заново.

И потому – ЖИВА РОССИЯ!

Ученикам можно предложить следующие задания:

1. Сравнить первый бал Наташи Ростовской и первые сельские игрища Огнейки.
2. Сравнить образы Махоньки и Платона Каратаева.
3. Какие пути обустройства России видят Абрамов и Солженицын? (по работе А. Солженицына «Как нам обустроить Россию»).

Список литературы:

1. Абрамов, Ф. Чистая книга / Ф. А. Абрамов // Нева. – 1998. – № 11. – С. 22–109.
2. Крутикова-Абрамова, Л. Жива Россия. Фёдор Абрамов : его книги, прозрения и предостережения. – СПб. : АТОН, 2003. – 415 с.
3. Крутикова-Абрамова, Л. Ф. Абрамов и христианство / Л. Крутикова-Абрамова // Нева. – 1997. – № 10. – С. 174–183.
4. Рудалёв, А. Миссионер духа. / А. Рудалёв // Двина. – 2005. – № 1. – С. 13–15.

«Тебя ничем не надо украшать...»
(литературно-музыкальная композиция для старшеклассников
по творчеству О. А. Фокиной)

Звучит песня «Зелёной поймой...» на слова О. Фокиной в исполнении Лидии Любимовой.

Говорят, что поэтов рожают не женщины, а время. Наверное, доля истины в этом есть... И всё-таки, всё-таки...

Звёздной полночью осенней,
Серп нащупав второпях,
Мать меня в холодных сенях
Отделила от себя.
И, в холстинку завитую,
Положила жить потом
На солому золотую,
Тем же сжатую серпом.

«Скрипке – струны, речке – струи...»

Так в семье Александра Ивановича Фокина, бригадира колхоза «Север» Верхнетоемского района Архангельской области, появилась на свет желанная и долгожданная дочь Ольга. До этого Клавдия Андреевна, его жена, родила одного за другим четверых сыновей. Счастьем и миром наполнился дом Фокиных, трудолюбивых, добропорядочных крестьян деревни Артемьевской. Будущей поэтессе шёл четвёртый год, когда началась война, когда отец вместе с другими деревенскими мужиками получил повестку из военкомата. И уходили мужики на войну, оглушённые душераздирающими воплями жён и матерей. А маленькая Оля наивно и горестно тянула ручонки вслед уходящему тятю и кричала: «Меня забыл!..» Но отец даже не оглянулся. Есть старинная примета: уходя на службу или на войну, не оглядывайся, иначе иссушит тебя тоска по дому родимому, по жене да по малым детушкам.

Пришла война, об этом я не знала...
Должно быть, в толстой сумке почтальон
Её принёс. И вот, отца не стало:
С котомкой подбегал к подводе он,
Когда, в постельке с тополиным пухом,
Проснулась я, крича: «Меня забыл!» –
Но лишь ушанка свесившимся ухом
Махнула мне с отцовской головы.

«Черёмуха»

С этого дня началось для Оли открытие совсем иного мира, мира тревожного, неулыбчивого и слёзного. И неудивительно, ведь каждый день то в одну, то в другую избу приходила похоронка. Таяли, как снег

весной, съестные припасы. Для того чтобы слепить хоть какое-то подобие лепёшки, брали лишь щепотку муки и добавляли в неё мешанину из высушенной травы да древесной коры, а то и опилок. Жалели Клавдию Андреевну соседки, приговаривая: «Экой тебя оравой наградил Господь!» Всех надо накормить, согреть, обстирать. Другая бы упала духом, опустила руки, но Клавдия Андреевна держалась:

Была моя мама добра, но горда:
За спичкой в соседи – и то никогда!
За спичками – стыдно, за солью – вдвойне.
Но пятеро нас накопилось к войне.

«Я помню соседей по тем временам...»

А когда продуктов почти не осталось, маленькую Олю с братом Валентином определили в колхозный детсад. Оля, застенчивая по натуре, боялась там пошевелиться, не то что о чём-то спросить. «Там не разрешалось заводить свой мир, а он у меня уже был», – скажет она позднее.

Отца комиссовали по болезни (активная форма туберкулёза). Мать принялась его выхаживать. Совершенно неожиданная повестка из военкомата снова увела отца на войну. Десятого сентября 1943 г. он вернулся домой. «Мой взгляд отвлекает прохожий, бредущий по дороге мимо передних окон: это живой скелет, еле переставляющий ноги. С трудом преодолев... запоры, он сворачивает – о ужас! – к нашему крыльцу, поднимается на него, скрипит открывающимися воротами.

Я хочу закричать маме, зачем она пускает к нам это страшное привидение? Она же видит его! Но мать продолжает возиться с картошкой... Между тем «скелет» отворяет дверь и, одолев порог, изнеможённо опускается на печную приступку... Отдышавшись, он снимает такой же, как сам, тощий вещмешок и достаёт из него что-то, завёрнутое в тряпочку.

– Лёленька, – произносит он слабо и глухо, но я вздрагиваю, сразу уловив в голосе родное, – я вот тебе маслица принёс...» – так о приходе отца с войны вспоминает Ольга Александровна в «Моей родословной». – Через десять дней после его возвращения родился маленький Володя. Отцу день ото дня становилось хуже. Он почти ничего не ел. Понимая безысходность положения, отец в минуту отчаяния сказал матери:

– Похорони малого вместе со мной, в одном гробу... Всё-таки вам полегче будет. Пристукни обухом и всё... Кто тебя осудит?»

К концу войны стало совсем невозможно. Мать сшила для младших по суме из бережёной холстины. Мучительно стыдно было

отправлять детей «по миру». Протягивать руку за кусочком нелегко было и маленькой Оле, от рождения очень стеснительной и робкой:

...Я криком кричала, молчанье храня:
Подайте, коль можете, ради меня!
И ради братишек, таких же, как я!
И руку выпрастывала из тряпья.

«Я помню соседей по тем временам...»

Вот таким запомнилось Оле детство, «самая счастливая пора жизни». Ни Клавдия Андреевна, а тем более другие женщины деревни Артемьевской не думали, что эта худышка, отличавшаяся от других ребят разве только излишней застенчивостью, запомнит всё то многотрудное, голодное, холодное, слёзное время, растянувшееся на тысячу дней и ночей, запомнит в делах, в словах, в жестах и с высоты зрелого возраста, поняв величие подвига, совершённого деревенскими женщинами в годы страшного бедствия, напишет:

Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила.
Держишь её – как надо:
Дерзостью встретишь дерзость,
Вдесятеро заплатишь
Людям за доброту.
К белым твоим сединам
Бережно прикасаюсь,
Будто бы это – боли,
Собранные в жгуты;
Будто бы это – беды,
Те, что отбедовала:
Густо, к одной другая...
Разбередить боюсь.

«Гордая моя мама!..»

Самые первые стихи Ольга Фокина написала в возрасте 8-9 лет. Страсть к сочинению стихов со временем не угасла, она сохранилась на все школьные годы и на годы учёбы в Архангельском медицинском училище. Это учебное заведение было выбрано не случайно. Там было общежитие, не требовалось привозить с собой постельные принадлежности, как в педучилище, да и перспектива «вылечить себя» (Ольга сильно болела в детские и школьные годы) была заманчива. В декабре 1955 года два стихотворения О. Фокиной появились в газете «Северный комсомолец» с её фотографией и напутственными словами редакции. Её стали приглашать на выступления, на собрания архангельских литераторов, и Ольга

Александровна укрепила в мысли, что ей надо быть ближе к литературе. В то время архангельским отделением Союза писателей руководил Г. И. Суфтин. Он отказался дать юной поэтессе рекомендацию для поступления в педагогический институт без экзаменов: «Какой-никакой, а медик из вас получится, в поэзии же всё слишком шатко и непрочное». Так она оказалась в родном Верхнетоемском районе. Ольга Александровна лечит лесорубов, а в свободное время пишет стихи. Последнее стало для неё просто душевной необходимостью.

Узнав о существовании Литературного института, втайне от всех она посылает в приёмную комиссию около десятка из сотни уже написанных стихов, не особенно надеясь на положительный ответ.

«Радость грянула внезапно: почта принесла бандероль из Москвы. Поэт Виктор Боков, рецензировавший в Литинституте мои стихи, вместе с добрым письмом прислал номер журнала «Москва», где над подборкой стихов была надпись: «Ольге Фокиной с любовью к её стихам». Вслед за ним последовало письмо от секретаря приёмной комиссии, которая, очень тепло отозвавшись о моём творчестве, озабоченно спрашивала, хорошо ли я знаю стихи Цветаевой? Я этой поэтессы тогда не знала. Вдобавок, не привыкнув к почерку, я вместо Цветаевой прочла Увераевой да так и ответила: «К сожалению, поэтессы Увераевой я совсем не читала»... В ответ последовало весёлое письмо: меня вместо заочного отделения, на которое я подавала заявление, приглашали учиться на основное, а вопрос о Цветаевой решился в мою пользу. Оказывается, один из рецензентов выступил против моего поступления в Литинститут, обвиняя меня в грехе подражательства Марине Цветаевой», – вспоминает Ольга Александровна Фокина.

Конечно, мать провожала дочку, провожала раздосадованная, не смирившаяся с дерзким её намерением:

От холодного ветра тихонько дрожа,
Мать мне руку даёт, говорит: «Поезжай!
Поезжай, – говорит, – но запомни одно:
И Двине берегов не сравнивать всё равно!
На одном берегу – всё песок да песок,
А другой испокон и лесист и высок,
И один каждый год заливает вода,
А другой под водой не бывал никогда.
Ты в низине родилась, в низине росла,
И в низине б тебе поискать ремесла, –
На крутом берегу все дороги круты, –
Беспокоюсь, боюсь: заплутаешься ты!..»

«Уезжая учиться»

О каких двух берегах говорится в этом стихотворении?

Молодая поэтесса в Москве ходит по Тверскому бульвару, помнящему шаги А. С. Пушкина, с трудом привыкает к чуду, случившемуся с ней.

В 1962 году Ольга Фокина окончила Литинститут. И уже в следующем году издательство «Молодая гвардия» выпустило её первый сборник стихов «Сыр-бор», предисловие к которому написал Борис Шергин: «Стихи Ольги Фокиной – это весенний цвет. Должно ждать творческого лета, доброплодного, ягодного». Затем вышли и другие. За сборник «Маков день» Ольга Фокина была удостоена Государственной премии РСФСР.

Она пишет о самом простом и дорогом для всех – о матери, Родине, любви, природе, пишет о своей судьбе, а также о судьбе земляков.

Тема Родины нашла отражение в творчестве всех поэтов Севера. Но «удельный вес» её у каждого разный. По-своему разрабатывает эту тему Ольга Фокина. Не будет преувеличением сказать, что она, как никто другой, органически, прочно, навсегда усвоила интонации русского фольклора:

Зелёной поймой
Струится Тойма,
За той за Тоймой –
Ой, золотой мой...

«Зелёной поймой...»

Горячо, истово любит поэтесса свой край, где родилась и выросла. Через всё творчество пронесла она живую, нетленную любовь к Северу, к родному очагу, к трудолюбивым и сердечным землякам:

Как же ты тянешь, родная земля!
В эти пласты, как в ладони родимой,
Ткнуться лицом, ни о чём не моля,
Лишь бы с любимой – неразделимо.

«Как же ты пахнешь, сырая земля...»

Сильнее не ведаю власти,
Чем власть материнской земли!
Берёзы мне света не застыят,
Не носят тоски журавли.
Не верю, что вся современность –
В романтике сверхскоростей!
Храню откровенную верность
Раздольности русских полей...

«Мне рано, ребята, в Европы...»

Её откровенная «верность» земле и людям, на ней живущим, никогда не знала сомнений. Пока поэт может сказать своей малой родине: «люблю», тема эта никогда не станет «одной из», проходной, как не стала у Ольги Фокиной. Её малая родина скоро раздвинула свои горизонты, и поэтесса осознала себя жителем очень большого дома, имя которому Россия:

И отвечу я мальчишке:
«Я, конечно, из деревни.
И не скрою, раз спросили,
Из деревни из какой:
Песни есть о ней и книжки,
Есть о ней стихотворенья.
И зовут её – Россия!
А откуда вы – такой?»

«В магазине»

В сборнике «Маков день» есть стихотворение «Ах, как строится нынче деревня!» (1972 г.) Её «несторонняя душа» радуется преобразованиям в деревне, восхищается желанием мужиков строить новые дома. Но со временем появляются и такие стихи, как «Без хозяина дом», «Старая деревня», «Три огонька», главная тема которых – **зброшенные северные деревни**:

Три огонька в стылой темени светятся.
Три – из былых тридцати...
«Скоро и эта деревня изнетится...» –
Кто там изрёк? Погоди!
Вскользь равнодушное слово уронено,
В самое сердце разя.
Ладно. Ничто. Извиним постороннего,
Непосторонних – нельзя!

«Три огонька»

Звучит песня «Старая деревня» в исполнении Л. Любимовой.

На повестку дня встала «проблема возрождения русских полей», проблема рабочих рук на селе. Ей, выросшей в деревне, больно видеть брошенные, забытые работающими людьми дома, глядящие на мир заколоченными окнами.

Она стремится поэтически осмыслить процессы, происходящие в современной деревне, выявить их истоки, взволновать сердце читателя своим неравнодушием.

Не радует её, ранит сердце и бесчеловечное, неуважительное отношение людей к окружающей природе (**тема природы**). Читая стихи Ольги Фокиной, мы почти физически ощущаем эту боль. Поэтесса уверена, что природа найдёт в себе силы противостоять варварским действиям людей, живущих лишь сегодняшним днём:

Я не сдамся! Я – упорный!
И не зря зовусь ключом!
За других не поручаюсь,
За себя не побоюсь,
Огорчусь, но не отчаюсь,
Тут засыплют – там пробьюсь.

«Поезд, стой! Помедли малость!..»

Любовь к природе у Фокиной не созерцательна, не бездумна. Поэтесса активно, действенно воспитывает бережное отношение ко всему прекрасному на земле. В стихотворении «Берёза» судьба лирической героини сравнивается с судьбой берёзы:

Я припадаю
К пеньку губами,
Я обнимаю
Пенёк руками,
И пью, как брагу,
Скрывая слёзы,
Родную влагу
Родной берёзы.
Я знаю горе,
Я горю внемлю,
Живи же, корень,
Я буду стеблем!
Я – продолженье
Твоё живое,
Твоё цветенье
С твоей листвою,
И всё, что гибнет
Во мне и вянет,
Твой сок поднимет,
Спасёт, расправит...

«Берёза»

Большое место в творчестве Ольги Александровны занимают стихи, посвящённые матери (**тема матери**), крестьянке-труженице, вдове. В этих стихах не только сочувствие всем женщинам-солдаткам, но и ясно различимая гордость за них – терпеливых, трудолюбивых. В стихотворении «*Матери*», написанном к юбилею Клавдии Андреевны, дочь восхищается матерью, жизнь которой прошла в труде. Годы не сломили её. И до сих пор она всё та же крестьянка-труженица:

Но ты засыпаешь спокойно ночами
И солнышка раньше встаёшь поутру,
И дух твой не сломен, и взгляд не печален,
И, что ни погода, тебе – по нутру.

Ольга Фокина преклоняется перед матерью:

Сегодня все тучи ветра пораздули,
Сегодня всё солнце – твоей седине...
Тянусь за тобою: смогу ль, дорасту ли,
Когда-нибудь встану ль с тобой наравне?

«Матери»

Стихотворение «Домик над рекою» перекликается с некрасовскими произведениями о судьбах русских женщин-тружениц. Но все беды и трудности преодолеваются, потому что надо жить и работать, надо растить и «ставить на ноги» детей. Растя детей в тяжелейших условиях военной поры, она озабочена не только тем, чтобы не дать умереть им с голоду, она бережёт их души от безверия, прививает им лучшие качества, которые усвоила от отцов и дедов: трудолюбие, совесть, готовность к самопожертвованию ради общего блага.

«А лучше – воровать или просить?»
И мама, как споткнувшись обо что-то
И, как частушку, ласку погасив,
Сказала: «Лучше – до смерти работать».

«Полудница»

Таково нравственное кредо крестьянки. В подвижничестве матери, вдовы-солдатки и колхозницы она видит теперь проявление характера всего народа, всех русских женщин. Перед нами во всём величии, под стать некрасовским «женщинам русских селений» предстаёт наша современница – в отсутствие мужа хранительница очага, но она же пахарь, неутомимый косец и жнец.

Удивительно чистый, нравственно цельный образ русской крестьянки встает из стихов О. Фокиной о матери.

Размышляя о тяжёлой судьбе русской женщины, поэтесса пишет строки, полные одновременно и горечи, и гордости, и надежды:

Ничего мы из себя не строим,
В нашем теле обычная кровь.
Мы пришли из некрасовских «Троек»,
Из некошенных блоковских рвов.
Мы из тех, кто и предан, и продан,
И схоронен был тысячи раз!
Но и всё-таки мати-природа
Отстояла и выбрала нас,
Попримеривших стужу и нужу
На свои, не чужие, плеча,
Пуще тела жалеющих душу,
Пересиливших в песню печаль
Безысходную... в песню – кручину

Неизбывную! С песней живём:
Про лучину, про горьку рябину,
Про «На улице дождик...» поём.
Эти песни оркестров не просят:
Лишь вздохни, да, вздохнув, затяни –
Засливаются в хор подголосья
Многотысячной кровной родни.
В нарастающем песенном шквале
Не разъять, не сравнить голоса,
Не услышать себя запевале:
Женской доли – одна полоса.
Пролетали с корнетами тройки,
Поезд с окнами мимо бежал,
А мужик после каждой попойки
Лишний хмель на тебе вымещал.
Что с того! Ты сносила побои...
Прикрывая клеймо синяка,
Ты сама оставалась собою:
Ты жалела его, мужика.
Ты жалела – да тем и держалась,
Ты терпела – да тем и жила:
Ведь от матери жалость досталась,
Ведь и бабка терпёлой слыла.
Что поделаешь! Тяжко не тяжело,
Что попишешь! Под дых не под дых –
Поднимайся: в одной ведь упряжке.
Не вдвоём – так одной за двоих.
Унижал он, а ты – возвышалась.
В землю втапывал – ты поднялась!..
Только будь она проклята, жалость,
Что любовь заменить собралась!
Нам во все терпеливые годы,
Хоть какой из веков оживи,
Снилась Синяя Птица Свободы,
Золотая Жар-Птица Любви!
...Чем наш век от иных отличится?
Не во сне, Боже мой, наяву
Птица Синяя – тише! – садится –
Не спугните! – ...к рукам... на траву...

«Ничего мы из себя не строим...»

- *Какое стихотворение А. Блока вспоминает О. Фокина?*
- *Как называется этот приём? (аллюзия).*

- Какой предстаёт перед нами русская женщина в стихотворении Н. А. Некрасова «Тройка» и в стихотворении А. Блока «Железная дорога»?

И в XX веке так же, как и в XIX, русская женщина, поруганная и униженная, жаждет счастья, ждёт свою «Синюю Птицу Свободы» и «Золотую Жар-Птицу Любви».

Небо любви (**тема любви**) в лирике О. Фокиной не голубое и безоблачное. Чаще под этим небом идут проливные дожди, чем светит солнце, – дожди долгих разлук, потом мучительных подозрений, потом безверия и горького разочарования.

Сколько же надо было пережить, перестрадать, чтобы бросить в лицо когда-то любимому человеку:

Ты был моей далью,
Ты был моей высью...

«Ты был моей далью...»

После этого примирение уже невозможно. Трезв и холоден рассудок лирической героини. Любимый теперь для неё, «как чёрный осколок сгоревшей планеты». Сильный, трагический образ, рождённый не менее сильным душевным потрясением. И под конец, как приговор: «Его жалеют дети, а мне уже не жаль...»

В разную пору своей жизни мы по-разному воспринимаем любовь. Девическая любовь у Ольги Фокиной – это радость свидания, ожидания, первые поцелуи, первые разочарования:

Ведь сегодня – воскресеньце!
Юбка с утра наутюжена –
Дождать ли чая-ужина!
...Где-то там, в середине волока,
Ходит-мёрзнет возле ёлок он,
Терпеливо дожидается,
Ожиданьем согревается.
...Нет, не бывано, не хожено:
На суметах снег ровнёшенек.
Вся дорога перевьюжена...
Зря я маму не послушала.

«Свидание»

Звучит песня «В силу привычки...» в исполнении Л. Любимовой.

Каждое лето, за редким исключением, приезжает Ольга Фокина на родину, чтобы навестить братьев и земляков, чтобы встретиться с родными местами, с Двиной и речкой Содонгой, чтобы припасть к родникам северного фольклора и народной речи. Каждый такой приезд обогащает поэтессу новыми впечатлениями, вдохновляет на творчество:

Я для тебя храню поклон,
Моя Архангельская область,
Мой Верхнетоемский район.

«К юбилею родного района»

Стихотворение «Храни огонь родного очага...», смысл которого стал лейтмотивом всех последних книг поэтессы, можно с уверенностью назвать стихотворением-завещанием, завещанием тем, кто стоит на пороге самостоятельной жизни. Храни, иначе – беда, иначе будет поздно:

Храни огонь родного очага
И не позарься на костры чужие!
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
«Храни огонь родного очага!»
Лелей лоскут отеческой земли,
Как ни болотист, как ни каменист он...
Не потянись за чернозёмом чистым,
Что до тебя другие обрели.
Лелей лоскут отеческой земли!
И если враг задумает отнять
Твоим трудом взлелеянное поле,
Не по страничке, что учили в школе,
Ты будешь знать, за что тебе стоять...
Ты будешь знать, за что тебе стоять!

«Храни огонь родного очага...»

В одном стихотворении О. Фокина с сознанием огромной ответственности за дело, назначенное ей самой судьбой, написала:

И буду работать на совесть,
Чтоб вышел с людьми разговор.

Разговор с людьми, с читателями состоялся.

Список литературы:

1. Фокина, О. Избранное: стихотворения и поэмы / О. Фокина. – М. : Худож. лит., 1985. – 511 с.
2. Фокина, О. Моя родословная / О. Фокина // Лауреаты России : автобиография российских писателей. Кн. 4. – М., 1977.
3. Викулов, С. «...Чтоб вышел с людьми разговор» / С. Викулов // Фокина, О. Избранное : стихотворения и поэмы / О. Фокина. – М. : Худож. лит., 1985. – С. 3–18.
4. Дементьев, В. Не избранницей / В. Дементьев // Дар Севера / В. Дементьев. – М. : Современник, 1973. – С. 223–245.

5. Михайлов, А. Зацветают маки утром / А. Михайлов // Северная тетрадь / А. Михайлов. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976. – С. 152–164.
6. Пономарёв, Б. Власть материнской земли / Б. Пономарёв // Литературный Архангельск / Б. Пономарёв. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982. – С. 156–158.
7. Скепнер, Л. «Озиминка из этой озими» / Л. Скепнер // Словесное искусство Русского Севера в литературном образовании и развитии школьников : монография / Л. Скепнер. – Архангельск, 2002. – С. 78–86.
8. Степаненко, Е. Храни огонь родного очага... / Е. Степаненко // Север. – 1981. – № 2. – С. 123–125.

Раздел II

***Нет! Не ездите вы на Север, не губите себя!
Всю жизнь тогда не будет он давать вам покоя,
всю жизнь будет то слабо, то звонко манить
к себе, всю жизнь будет видеться вам просторный
город – преддверие неисчислимых дорог.
Ю. Казаков***

**«С Севером навечно связан...»
(Четыре путешествия М. М. Пришвина по Северу
(4 февраля 1873 г. – январь 1954 г.))**

*Говор древесных листов понимал,
Ручья разумел лепетанье...*

Методические рекомендации по проведению литературного путешествия «С Севером навечно связан...»

➤ Цели и задачи:

- ◇ Ввести детей в художественный мир писателя;
- ◇ Показать ребятам привлекательные для них стороны личности М. М. Пришвина;
- ◇ Рассказать о путешествиях автора по Северу и познакомить их с теми произведениями, которые были написаны в результате этих путешествий;

- ◇ Составить маршруты литературных экспедиций М. М. Пришвина на карте Архангельской области;
- ◇ Литературное путешествие рекомендуется для учащихся 6-х классов, непосредственно перед изучением сказки-были «Кладовая солнца».

➤ Оформление мероприятия:

- ◇ Книжная выставка «За волшебным колобком»;
- ◇ Карта Архангельской области;
- ◇ Фотографии, выполненные М. М. Пришвиным на Севере;
- ◇ Ксерокопия карты Архангельской области для каждого присутствующего на мероприятии (для составления маршрута путешествия).

➤ Литературное путешествие вслед за М. М. Пришвиным даёт возможность увидеть близкие ребятам места как бы вместе с писателем, позволяет сблизить, соединить жизненные и художественные впечатления.

➤ Самостоятельная работа детей:

- ◇ Творческие задания: ответить на вопрос: Чем же так привлекал наш край Михаила Пришвина?; По словарю В. Даля найти значение слов «доля» и «судьба», их сходство и отличие.
- ◇ Заполнить таблицу «За волшебным колобком» – сходство и отличие с русской народной сказкой».

Михаил Михайлович Пришвин – один из талантливейших русских писателей, чьё творчество самым непосредственным образом связано с нашим краем. Он совершил четыре путешествия по Северу, и в результате каждого из них рождались прекрасные книги. Не случайно писатель назвал Север своей поэтической родиной. *«Я начал свой литературный путь записыванием сказок на Севере, моим первым учителем был русский народ»*, – так писал он в своих дневниках.

А родился он вдали от Севера – в Орловской губернии в обедневшей многодетной купеческой семье. Мать происходила из староверческого рода, и её гордый и упрямый дух передался будущему писателю. За свободомыслие Пришвин преследовался и в гимназии, и в Рижском политехникуме. Окончил Лейпцигский философский университет (Германия), агрономическое отделение. Затем работал по специальности, а также писал очерки.

Мысль о поездке на Север возникла у Михаила Пришвина в самом начале его писательской деятельности. Вскоре, после того как

в журнале «Родник» был напечатан первый его рассказ, он пришёл к редактору и поделился своим замыслом. *«Я напишу, – сказал он, – о мальчишке, попавшем на Север, и так опишу Север в приключениях мальчишка».* *«Нет, – ответил редактор, – напишите просто очерки о Севере».*

Писатель знакомится с известными лингвистами и этнографами Ончуковым и Шахматовым. Именно они посоветовали Пришвину поехать в Олонецкую губернию для записи народных сказок, поверий, песен, пословиц и поговорок. Будущий писатель внял этому совету.

Летом 1906 года Пришвин, как сам потом рассказывал, *«бросил служебную карьеру и пешком без гроша в кармане, с одним дешёвеньким ружьём ушёл на Север, чтобы записывать народные сказки и речь».*

Несколько месяцев провёл он тогда в Выговском крае – в Карелии. Узнал тяжёлую жизнь северных крестьян-тружеников, их легенды, сказки, песни и очень полюбил этих людей. *«В этом краю непуганых птиц все люди мне были так хороши, и так много хороших в одном месте я никогда не видел»*, – писал он о людях, с которыми встретился на Севере, – сказочнике Мануйле, вопленице (исполнительнице причитаний) Максимовне, которая от собственного горя и научилась вопеть, крестьянах, рыбаках и их сказках и легендах, о природе Выговского края. Пришвин пишет о мужественных тружениках – простых, искренних, смелых, возмужавших в стремлении сохранить свою независимость и своеобразие образа жизни, отношений и взглядов. Они живут зимой в лесных избушках, а весной уходят в бурлаки или берутся за соху. Круглый год непрерывно трудится северянин, добывая себе пропитание в борьбе с суровой природой. Здесь рождаются песни о легендарных и реальных героях. И самому писателю в этом далёком северном крае пришлось нелегко.

Нередко приходилось пробавляться лишь рыбной ловлей или случайно подстреленной дичью, благо подсказали бывалые люди взять с собой в путешествие не только бумагу с карандашом, но и охотничье ружьё да заплечную сумку с необходимым в дороге припасом. Охотничье ружьё стало источником его счастья. *«В Выговском крае было несметное количество уток, которых никто не убивал: на Севере было много староверов, а по древним староверским законам в пищу человека была определена «птица не водяная, а горная».* Книгу свою Пришвин так и назвал: *«В краю непуганых птиц».*

Великое это было путешествие. *«Мох и мох, кочки, озёрки, лужицы. В сапогах вода, свистят, как старые насосы, сил нет вытаскивать их из вязкого болота... Остановились усталые.*

Лайка, тоже заморённая, так и пала на месте, тяжело дышит, высунула язык.

И так всю жизнь, – говорит Мануйло, – всю жизнь по мхам, да лесам. Идёшь, идёшь, да свалишься в сырость и спишь. Собака бедная подбежит, завоюет, думает, – помер. А отлежишься и опять зашагаешь...»

Так начинал Пришвин свои очерки Выговского края. И не приводят его в уныние ни суровый пейзаж, ни суровый быт Русского Севера. Здесь нашёл он свою родную стихию девственной чистоты русской природы, «не испорченной рабством души», неторопливой, мудрой, скупой и ясной народной речи. Отсюда возьмёт он в свою «кладовую» такие слова, как «сузем», «нетращёная», «непуганая» птица, «угор», «колышень» – лёгкая зябь, рыбацкие «жёнки», «поветерь», «порато», «полесовать» – охотиться, «быстерок» – струйка, «сторажи» – высокие жерди, «пуржаль» – местечко, очень соблазнительное для тетёрки, «падун» – водопад, «досюльщина» – старина и многие, многие другие, очень ёмкие и точные народные слова-образы. Константин Паустовский в предисловии к собранию сочинений писателя говорит: «Слова у Пришвина цветут, сверкают, они полны свежести и света».

Большое впечатление на Михаила Пришвина произвело Онежское озеро, как местные жители называют его славное и великое «Онего», оно «огромно, как море, страшно в своих скалистых берегах»: *«Я открыл себе второе детство на Карельском острове огромного Выг-озера, и место переживаний этого второго детства назвал и описал, как вновь открытую страну непуганых птиц».*

Пришвин, вернувшись в Петербург, написал книгу «В краю непуганых птиц», которая стала его первой литературной работой. Книга нашла своего читателя, имела успех. За неё и записи устного народного творчества Михаил Пришвин был награждён серебряной медалью Российского географического общества и избран его действительным членом.

Через год, в 1907 году, он снова поехал на Север. С детских лет стремился он в какую-то неведомую страну. И вот, *«всё оставив позади себя, я вновь отправился... в край непуганых птиц записывать сказки».* Север покорило и захватило его. *«В половине мая 1907 года, – пишет он, – я по Сухоне и Северной Двине отправился в Архангельск. Отсюда и начались мои скитания по Северу. Частью пешком, частью на пароходе обошёл я и объехал берег Белого моря до Кандалакши. Потом перешёл Лапландию... и побывал в Соловецком монастыре, на западном Мурмане и морем возвратился в Архангельск в начале июля... В Архангельске я познакомился с одним моряком, который увлёк меня своими рассказами, и я*

отправился с ним на рыбацком судне по Северному Ледовитому океану.

Недели две мы блуждали с ним где-то за Каниным Носом и приехали на Мурман. Здесь я поселился в одном рыбацком становище и занимался ловлей рыбы в океане. Наконец отсюда на пароходе я уехал в Норвегию и вокруг Скандинавского полуострова поплыл домой».

Это путеше
ствие вдохновило писателя на создание книги «За волшебным колобком». В ней Пришвин восхищённо рисует северную природу. *«Нигде не бывает такой красоты в природе, как на Севере»,* – говорил он.

Но не только природа покорила писателя на Севере, прежде всего люди, мужественные, сильные, чистые душой труженики-поморы. С глубокой симпатией Пришвин нарисовал в своих северных очерках образы этих людей.

Пришвин чутко вслушивается в своеобразную речь, увлечённо и бережно собирает жемчужины северного фольклора – записывает народные сказки, былины, поговорки. И это сказалось на книге. «За волшебным колобком» – не просто путевые записки, это сказка. «Сказочность ощущается уже в названии книги. А почему она так называется, вы узнаете, прочитав эту книгу. В предисловии к ней автор говорит следующее: *«Плана путешествия у меня не было, но когда я стал о нём раздумывать, то мне представилось, будто мною кто-то руководил... Кто же это!*

И мне стало казаться, что я, как в сказке, шёл по Северу за волшебным колобком».

Сказочное начало ощущается и в том, как называет своих героев писатель: молодого рыбака-помора Иванушкой, его невесту Марьей Моревной. Вот какой она предстаёт перед нами: *«Лицо белое, брови соболиные, коса тяжёлая. Совсем наша южная красавица – ноченька тёмная, со звёздами и месяцем».* А вот её отец – богатый помор: *«Сухой костлявый старик с красными глазами и жидкой бородой».*

➤ Как вы думаете, какое имя дал ему Пришвин? (Кощей Бессмертный)

➤ Можно ли назвать книгу «За волшебным колобком» сказкой?

◇ Сказка – сказочный зачин, имена героев, их внешний вид;

◇ Отличия – точное описание местности, природы, географические названия.

Вывод: «За волшебным колобком» – книга очерков, в которой многое от русской сказки.

Любовь к Северу Михаил Пришвин пронёс через долгие годы жизни.

В 1933 году ему предложили поехать по Беломоро-Балтийскому каналу. 60-летний писатель снова посетил Карелию. Он был поражён тем, как изменился за 30 лет «край непуганых птиц». На том самом пути, между Белым морем и Онежским озером, где можно было различить следы великого похода Петра I – «Осудареву дорогу» – с кораблями, которые переправляли посуху, теперь уже был проведён канал, и суда беспрепятственно переходили из Белого моря в Балтийское. Это грандиозное строительство потребовало колоссальных усилий массы людей. Писатель задумал создать сказку-быль «Осударева дорога», где попытался связать воедино прошлое и настоящее, рассказать о том, как в труде мужает человеческая личность. Над этим произведением писатель работал многие годы, до конца жизни.

Пришвин не раз признавался, что в нём живёт «страстная любовь к лесу». Видимо, она и повлекла писателя в мае 1935 года в Северный край. В лесную глухомань, в верховье реки Пинеги. Путешествие было труднейшим. Оно потребовало от Михаила Михайловича, которому шёл 63-й год, смелости, выдержки, выносливости, напряжения всех физических сил.

От Москвы до Вологды писатель и его сын Пётр ехали поездом, оттуда до пристани Верхняя Тойма плыли по Северной Двине парохомом. От Верхней Тоймы путешественники верхом на лошадях добрались до деревни Керга в верховье Пинеги. Оттуда на вёсельной лодке они спустились до устья реки Илеши, Пересели в лодку-осиновку и, толкаясь шестами, поднялись по Илеше до её притока – Коды, а по ней в её верховье. Далее писатель и его сын в сопровождении крестьян-охотников Осипа Романова и Александра Губина отправились пешком через дремучий лес. Ночевали у костра. И, наконец, добрались до заветной цели – Чащи, не тронутой топором. Эту Чащу Пришвин назвал Берендеевой. Вот как он описал встречу с ней: *«Всё оказалось точно так, как и говорили о Чаще: деревья стояли одно к одному, как громадные свечи, и уж, конечно, тут стяга не вырубешь, тоже правда, что дереву невозможно упасть, если не подрезать и те, к каким оно склонится».*

Проводник Осип Романов поведал писателю, что эта чаща скоро познает топор и что «этот лесок всё оправдает». И тогда Пришвин в раздумье говорит: *«...Видно, не о той Чаще надо мечтать, какой она была без человека, а какую мы должны создать в будущем. Сажанный лес только тому нехорош, кто его никогда не сажал и брал всё готовое, но если утрата Чащи побудит посадить хоть десяток деревьев, то в скором времени в таком своём лесу даже маленьких деревьев человек увидит больше радости, чем в девственной Чаще».*

После встречи с Берендеевой Чащей писатель и его сын, проделав нелёгкий путь, возвратились в деревню Илеши и в лодке спустились вниз по Пинеге до Карпогор. Здесь они сели на пароход и в середине июня 1935 года приплыли в Архангельск.

Журналист Виктор Страхов, много лет проработавший в редакции газеты «Правда Севера», уже пенсионером в 60-е годы дважды прошёл по следам Пришвина. Страхов писал о том, что это был очень сложный и трудный маршрут. Он восхищался мужеством и стойкостью писателя, его упорством в достижении цели. Только Михаил Пришвин, романтически настроенный и горячо влюблённый в природу Севера, мог пуститься на розыски Берендеевой Чащи. Он совершил эту нелёгкую экспедицию в Пинежскую глухомань, чтобы написать книгу о северном лесе и назвать её «Берендеевой Чащей» (в собрании сочинений – «Северный лес»).

Впечатления этого путешествия вошли и в написанную позднее «Корабельную чашу» – вторую книгу «Кладовой солнца». В ней Настя и Митраша оказываются в тех местах, где побывал Михаил Михайлович Пришвин во время последнего путешествия по Северу.

9 декабря 1945 года Пришвин записал в своём дневнике: *«Мелькает мысль написать сказку о лесе»*. К этой мысли писатель возвращается и в последние годы. Он не раз намечал её сюжеты. Весной 1952 года в дневнике появляется новая запись о повести: автор упрощает сюжет, сводит его к истории описания Берендеевой Чащи на Пинеге.

Повесть-сказку «Корабельная чаша» Пришвин писал в 52-53 гг., заканчивал её тяжело больным в последний месяц жизни.

«В природе нет милости к человеку. Человек должен бороться с ней и быть милостивым, и охранять природу, раз он является её царём-победителем».

«И быть милостивым, и охранять природу...» Эта благородная мысль проходит через всё творчество писателя. Такая любовь к природе родилась из его любви к человеку, к народу, к Родине.

Путешествия питали его творчество. Они нужны ему были, как он сам говорил, *«чтобы не замыслиться, чтобы людей видеть – люди-то все разные, как цветы на лугу, только судьбы у них одинаковые, а доли разные...»*

Почти полвека Михаил Пришвин служил литературе. Он создал много замечательных книг. А мы с вами поговорили лишь о тех страницах жизни и творчества, которые связаны с Севером.

Он открыл для многих поколений читателей «свой неповторимый Север, если можно так сказать – созданную талантом художника, «вторую природу» Севера, создал образы людей, его населяющих, о которых говорили – «северный крепкий орех», но плохо знали.

Никому неизвестный моряк Северного флота Николай Тихонов посвятил писателю такие строки:

Томик Пришвина

Когда у Полярного круга
Темно в снегопаде густом –
Беру я, как верного друга,
Покойного Пришвина том.

Пусть ветер вокруг завывает,
Метёт вкруговую метель, –
Над книгой про них забывая,
Я слышу «Лесную капель».

Какое знакомое место:
В воде по колению кусты,
Роняют берёзы-невесты
На землю куски бересты.

Пускай озверело колотит
О борт штормовая волна –
Я вижу на топком болоте
Ковёр из кукушкина льна.

На дальний огонь деревушек
Иду, не спеша, через лес,
Где мачтовых сосен верхушки
Поднялись до самых небес.

Под сумрачным небом чужбины,
Пока мы не в нашем порту,
Земли нашей русской картины
Со мной, у меня на борту.

За силу великую эту,
Сокрытую в слове простом,
Вожу я по белому свету
Покойного Пришвина том.

Четыре путешествия М. М. Пришвина по Северу:

- I. 1906 год – Выговский край – Карелия (красный цвет).
- II. 1907 год – р. Сухона – р. Северная Двина – г. Архангельск – побережье Белого моря – Кандалакша – Кольский полуостров – Лапландия – Соловецкий монастырь – Западный Мурман – г. Архангельск – Северный ледовитый океан – мыс Канин Нос – Мурман – Норвегия – С.-Петербург (зелёный цвет).
- III. 1933 год – Карелия (Беломоро-Балтийский канал) – между Онежским озером и Белым морем (чёрный цвет).
- IV. 1935 год – Пинежье – (г. Москва – г. Вологда – р. Северная Двина – Верхняя Тойма – р. Пинега – дер. Керга – р. Илеша – р. Кода – Корабельная чаща – р. Илеша – р. Пинега – Карпогоры – г. Архангельск (синий цвет).

Список литературы:

1. Пришвин, М. М. В краю непуганых птиц / М. М. Пришвин. – Петрозаводск : «Карелия», 1970.
2. Пришвин, М. М. Глаза земли / М. М. Пришвин. – Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 1981.
3. Пришвин, М. М. Сказка о правде / М. М. Пришвин. – М. : Мол. гвардия, 1973
4. День поэзии Севера. 1967. – Петрозаводск : Карельское кн. изд-во, 1968. – 360 с.
5. Ершов, Г. Михаил Пришвин. Жизнь и творчество / Г. Ершов. – М. : Худ. лит-ра, 1973.
6. Липеровская, С. За волшебным словом. Жизнь Михаила Пришвина / С. Липеровская. – М. : Дет. лит-ра, 1964.
7. Литературный Север : книга для учащихся 5-8 классов. – Архангельск : Изд-во Помор. пед. ун-та, 1995. – 431 с.
8. Методические рекомендации к программам по литературе (региональный компонент). – Архангельск : Изд-во «Родина Ломоносова», 1994.
9. Пахомова, М. Ф. М. М. Пришвин / М. Ф. Пахомова. – Л. : Просвещение, 1970.
10. Скепнер, Л. С. Словесное искусство Русского Севера в литературном образовании и развитии школьников : монография / Л. С. Скепнер. – Архангельск : Помор. гос. ун-т, 2002. – 239 с.
11. Страхов, В. На лесной реке / В. Страхов. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964.
12. Страхов, В. По следам Пришвина / В. Страхов // Правда Севера. – 1973. – 9 февр.

**«Гласноподнадзорный А. Гриневский»
(А. Грин в архангельской ссылке
с ноября 1910 г. – до середины мая 1912 г.)**

А. Грин – один из интереснейших русских писателей XX века. Из своих 52 лет жизни 2 года он пробыл в ссылке на Севере. Время, проведённое здесь, он считал одной из интереснейших страниц своей жизни. Тут им были написаны рассказы, с которых начался большой русский писатель Александр Грин.

Родился он 23 августа 1880 года в г. Слободском Вятской губернии. Отец его – поляк, потомственный дворянин, за участие в польском восстании 1863 – 1864 гг. был сослан в Сибирь (тогда Польша была в составе России). Затем жил в Вятке, работал счетоводом в больнице. Мать, глубоко и нежно любившая сына и любимая им, умерла, когда мальчику было 14 лет. Отношения с мачехой не сложились.

Саша рос любознательным, романтически настроенным мальчишкой. Он мечтал о море, о необыкновенных странах и приключениях. Окончив 4-х классное городское училище в родном городе, Александр уезжает в Одессу (был исключён из реального училища за сочинение пасквильных стихов). Но она сурово встретила 16-летнего подростка.

«Летом 1896 года с 20-ю рублями в кармане и советами не пропасть я отправился в Одессу, мечтая сделаться моряком. Был я смятён и ликовал. Снилось мне море, покрытое парусами... Поголодав месяц в Одессе, я поступил матросским учеником на пароход «Платон», позже – матросом на «Цесаревича», еще позже – на херсонское парусное судно. В промежутках работал чернорабочим... Дела мои пошли скверно...»

Здесь он познал тяжесть подневольного труда, жестокое обращение хозяев, нищенские заработки. Всюду было невыносимо трудно. Юноша не выдержал невзгод, обрушившихся на него (бродяжничал, просил милостыню, жил в ночлежках, ночевал под мостом; хорошего попрошайки из него тоже не получилось) и вернулся в Вятку. Переписывал роли актёрам, строгал дерево в железнодорожных мастерских, занимался переплётным делом, но и тут не было просвета. Отец окончательно спился, семью душила бедность. Будущий писатель скитается по стране, работает рыбаком в Баку, золотоискателем на Урале, меняет одну за другой профессии (банщик, землекоп, пекарь, лесоруб, шпагоглотатель на базарной площади).

Наконец, становится солдатом пехотного полка в Пензе (1901 г.). Службу в царской армии с её бессмысленной и бесконечной муштрой,

Грин, как писал позже, возненавидел мгновенно. Там он примкнул к эсерам. Его привлекли их смелые лозунги, призывы к уничтожению угнетателей народа, ведь он на себе испытал нужду и унижения. Пройдёт время, и он разочаруется в эсерах и эсеровщине, поймёт, что террор – не путь к свободе, что насилие невозможно уничтожить насилием. Один дагестанец как-то сказал ему: «От палки родится палка» (рассказ «Карантин»).

Вскоре он бежит с военной службы. В Севастополе ведёт революционную агитацию среди солдат и матросов. Его арестовывают (1903 г.), бросают в тюрьму. Почти 2 года он просидел в Севастопольской тюрьме, был освобождён во время революции 1905 года, потом снова арестован и выслан в Туринск (Тобольская губерния), маленький городок на севере Сибири, откуда вскоре бежал.

В Вятке отец достал ему паспорт скончавшегося тогда в городской больнице почётного вятского гражданина Мальгинова. С этим паспортом и жил Грин в Петербурге, вынужденный скрывать своё подлинное имя.

К 1910 году он был автором уже двух книг и многих рассказов. Ему пророчили большое писательское будущее. Но в этом же году Грин был вновь арестован за проживание по чужому паспорту, и теперь ему предстояла ссылка в Архангельскую губернию.

Ещё в Петербургской тюрьме он обвенчался с Верой Павловной Абрамовой, дочерью уважаемого петербургского чиновника. Она была женщиной деятельной и предприимчивой и стала для Грина истинным ангелом-хранителем.

Итак, 31 октября 1910 года молодые выехали в город Архангельск одним поездом: Вера – в пассажирском вагоне, Александр – в арестантском. *«Гласноподнадзорный А. Гринеvский 8-го сего ноября... отправлен на жительство в г. Пинегу»*, – докладывал губернатору архангельский полицмейстер.

Вначале Грину было предписано явиться в г. Мезень для отбытия срока, но он написал прошение с просьбой о перемене места жительства.

Таким образом, молодые супруги оказались на Пинеге и поселились в деревне Великий Двор, рядом с городом. Но жизнь там была тяжела не столько из-за климата и материальных затруднений, сколько из-за строгого режима. Грину не позволяли даже кратковременные отлучки. Постоянно находиться под надзором было тяжело и унижительно. В просьбах, адресованных архангельскому губернатору, он писал о необходимости лечения болезни сердца, «покорнейше» просил разрешить проводить до Архангельска отъезжающую в Петербург жену, но на это следовали отказы. В то же

время от пинежского исправника в адрес губернатора поступали доброжелательные отзывы о поведении поднадзорного писателя.

Спустя 40 с лишним лет старожилы Пинеги вспоминали: *«Александр Степанович был высоким, худым молодым человеком с желтоватым цветом лица... Вера Павловна – красивая молодая женщина, всегда подтянутая и молчаливая».*

В Пинеге была библиотека, и Грин много читал. И много занимался литературным трудом, почти не общался с товарищами по ссылке. Правда, когда в одну из поездок в Петербург Вера Павловна привезла граммофон с пластинками, у них дома стали появляться многочисленные гости, чтобы послушать музыку. Даже пришлось дать объявление, что Гриневские принимают только в определённые часы – вечером в пятницу.

Наступила весна, и часто писатель с раннего утра уходил в лес или на озеро.

«Однажды, – вспоминает Вера Павловна, – мы сделали с местными охотниками чудесную прогулку в страну, которую пинежане называли «Карасеро» («Карась-озеро» – «карасье озеро»). Начиналось Карасеро км в 25-30 от Пинеги. Сеть этих причудливых озёр, островков, покрытых вековым лесом, протоков, заросших камышами, изобилие населяющих их птиц Александр Степанович описал в повести «Таинственный лес» (1913 г.).

Когда читаешь отрывок из повести, может показаться, что это «чистая» фантазия художника. Но не только Вера Павловна, а и сам Грин свидетельствуют: *«В настоящем произведении изображена природа Пинежского уезда Архангельской губернии...»* – так писал он в черновом наброске авторского предисловия к этому отрывку из повести «Таинственный лес», который намеревался опубликовать в 1930 г. под названием «Охотник и петушок».

Вера Павловна Абрамова вспоминает: *«Среди бесчисленных озёр этого края автору хорошо помнится одно огромное овальное озеро, погружённое в раму мрачно-зелёного леса. На стальной с голубым пятном не подверженной морщинам глади озера плавали два лебедя. Автор был тогда азартным охотником. Он целый день пытался обойти лебедей с того места берега, к которому они были ближе, но, не взлетая, «не тратя сил», лебеди спокойно отплывали к другому берегу, всегда держась вне расстояния картечного выстрела... Грин устал, а лебеди остались жить и плавать по огромному овальному озеру – прозрачной пропасти, полной облаков и рыб».*

Итак, перед нами северный пейзаж, природа Пинежья, какую увидел её художник-романтик, преломлённая через призму его души,

способной почувствовать её сказочную красоту и магическую притягательность.

В мае 1911 г. Грин в очередной раз просил губернатора перевести его в Архангельск, где бы он смог находиться под наблюдением врачей (здоровье Грина уже тогда было слабым – порок сердца). Жена с подобной просьбой обратилась к министру внутренних дел, на что было сообщено, что просьба отклоняется. Тогда деятельная Вера Павловна несколько раз съездила в Архангельск для встречи с губернатором М. В. Сосновским. И как женщина образованная, воспитанная, своим умелым обращением смогла вызвать сочувствие к ссыльному литератору. Ей удалось добиться перевода мужа на Кегостров, который тогда был одним из мест поселения политических ссыльных.

А. Грин выехал к новому месту назначения на пароходе. Эта поездка дала ему материал для рассказа «Сто вёрст по реке». Поселились Гриневские у зажиточных хозяев, владельцев рыбокоптильни, и заняли три меблированных комнаты на втором этаже дома.

Жизнь на Кегострове тоже была нелёгкой. Если летом и ранней осенью можно было выехать в город, то осенняя распутица плохо действовала на писателя. Недаром он называл Кегостров «тошным островом». Эта жизнь дала материал для рассказа «Ксения Турпанова». В отличие от большинства сочинений А. Грина в нём нет ни вымышленных стран, ни экзотических имён, ни авантюрного сюжета. Рассказ автобиографичен, передаёт настроения, которые испытывал писатель, живя на Кегострове. Рассказывая в нём о своих взаимоотношениях с женой, писатель словами главного героя приходит к выводу, что «мы всё-таки с ней разные – мои идеалы чужды ей». Заканчивается рассказ тем, что Ксения ушла от мужа. Это было невольным пророчеством.

Последние два месяца ссылки с марта 1912 г. супруги проживали в Архангельске – сначала в Троицкой гостинице, а потом в доме Ануфриева на Олонецкой улице (ныне ул. Гайдара). Ксения Гемп вспоминала, что любимым местом прогулок А. Грина были берёзовая аллея Гагаринского сада, Горушка-сад у драмтеатра и набережная между ул. К. Либкнехта и ул. Воскресенской. Здесь была деревянная беседка с затейливой крышей на 4-х столбцах. Он часто любил сидеть в этой беседке, всматриваться в двинские дали, думать о чём-то своём, ни с кем не общаясь. Запомнилась Ксении Петровне и внешность писателя: высокий, стройный, худощавый, лицо сумрачное, печальное, немолодое. Шёл он всегда быстро, словно убегал от кого-то. Одет был в одно и то же – широкополую шляпу и длинный плащ.

На Севере Грин встретился и подружился с замечательными людьми, которые и в суровых условиях ссылки смогли не поддаться апатии, найти возможность плодотворно трудиться, вести научные исследования.

Соседом Гриневских в Великом Дворе был Нестор Алексеевич Кулик, политический ссыльный, исключённый из Казанского университета за участие в революционной деятельности, впоследствии известный учёный, один из организаторов и руководителей изучения природных ресурсов Севера. А начинал он изучение нашего края в годы ссылки и уже тогда сделал важное научное открытие. Участвовал в экспедиции Журавского по исследованию Печорского края.

Среди тех, с кем познакомился Грин в Пинеге, был Георгий Михайлович Шкапин, рабочий Путиловского завода в Петербурге, один из первых рабочих поэтов и журналистов. Когда Грин познакомился с ним, Шкапину было немногим более 30 лет, но за участие в революционном движении, в организации стачек он уже сидел в тюрьмах Николаева, Одессы, Харькова, Петербурга. В 1907 году его выслали под гласный надзор полиции в Печорский край, затем на Пинегу. Мизерного казённого пособия не хватало даже на пропитание, приходилось голодать. Но от своих идеалов он не отрёкся.

Шкапин, как и Кулик, участвовал в экспедиции по изучению Печорского края. Здоровье его было подорвано тюрьмами, голодом и холодом. Шкапин умер в тюремной больнице, не дожив до 40 лет.

Самым близким другом Грина в ссылке стал Рудольф Лазаревич Самойлович. Это человек яркого темперамента, мужественный, талантливый и энергичный. Он получил прекрасное образование в Германии. В 1909 году был выслан на Пинегу за активное участие в социал-демократическом движении. На Пинеге он исследует карстовые пещеры. Позже ведёт более широкое изучение геологии Севера. После окончания срока ссылки Самойлович остаётся в Архангельске, чтобы продолжить исследования, участвует в экспедициях на Шпицберген. Впоследствии он стал крупнейшим учёным – полярным исследователем.

Самойлович обладал тонким музыкальным слухом и певческим голосом, великолепным чувством юмора и был, можно сказать, в душе романтиком, что, наверное, и сблизило их с Грином. Их дружеские связи сохранились и после ссылки, в Петербурге.

На Кегострове Грин познакомился с Иваном Ивановичем Корелем, исключённым из Петербургского университета за активное участие в работе студенческого Совета и высланным в Архангельскую

губернию, в будущем известным учёным-библиографом. Дружеские связи с семьёй Корелей продолжались многие годы после ссылки.

Ясно, что встречи с такими людьми не могли не оставить следа в чуткой, впечатлительной душе Грина – человека и художника.

18 мая 1912 года архангельский полицмейстер отрапортовал губернатору: *«Довожу Вашему превосходительству, что гласноподнадзорный А. Гринеvский 15 мая сего года освобождён от надзора и выбыл на Родину»*.

Покинув Север, А. Грин увёз в своём сердце впечатления на всю жизнь. Краски северных пейзажей встречаются во многих его поздних произведениях, хотя и подаются автором как необычные и экзотические.

Грин начал писать ещё до ссылки. Его рассказы печатались в петербургских журналах, а в 1908 г. вышла его первая книжка – сборник рассказов «Шапка-невидимка».

Начинал он с рассказов реалистических. Главная их тема – разоблачение пошлости и бездуховности. Однако и в некоторых ранних произведениях ощутимо романтическое начало. Нередко встречаем мы в них романтического героя, умного, сильного, мужественного. Он презирает ненавидящих его людей, главный смысл жизни которых – наполнение желудков и карманов (так называемых обывателей).

Сравним главных героев рассказов «Остров Рено» (1909 г.) Тарта и Гнора из «Жизни Гнора» (1911 г.).

- *Как изменился романтический герой за эти годы?*

Читая романтические произведения Грина, написанные в ссылке и вскоре после неё, мы видим, что романтический герой Грина, сохраняя интеллект и нравственное превосходство над окружающими его пошлыми обывателями, перестаёт презирать и ненавидеть людей.

Ситуация, в которую попадают герои обоих произведений, как будто бы одна и та же (и Тарт, и Гнор оказываются на необитаемом острове), но – как бы с противоположными знаками. Тарт стремится остаться в одиночестве, вдали от людей, и готов скорее погибнуть, чем вернуться к ним (ср.: К. Бальмонт «Я ненавижу человечество, я от него бегу, спеша»). Гнор же оказался на необитаемом острове не по своей воле, а в результате жестокого коварства прикинувшегося другом Энниока. Вынужденная робинзонада Гнора длилась 8 лет.

- *Что помогло ему не только выжить, но и сохранить человеческий облик, достоинство, интеллект?*

Любовь, вера в силу любви и верность любимой, надежда на возвращение к людям, к любимой. Да, Гнору нужен пока прежде всего один человек – его любимая Кармен. И всё-таки первый шаг гриновского героя навстречу людям сделан. В отличие от Тарта и

некоторых других романтических героев Грина, Гнор уже не бежит от людей. В нём нет не только презрения, но уже и равнодушия к людям (анализ диалога Гнора и Энниока об отшельнике).

Как непохожи они – себялюбец Тарт, чей жизненный принцип: «Каждый за себя, братец», для которого ужасен день, если он – «часть жизни, отданная другим», и любящий, благородный Гнор!

Так же не похож на Тарта и ему подобных и незнакомец ссыльный из «Зимней сказки». Он, как и Тарт, человек огромной воли и мужества, но, в отличие от него, он верит людям и верит в людей и будущее.

Рассказ «Сто вёрст по реке», по воспоминаниям В. П. Абрамовой, написан под впечатлением поездки Грина из Пинеги в Архангельск летом 1911 г. Его главный герой Нок – беглый каторжник, потерявший веру в людей и, особенно, женщин. На то у него были причины. Та, ради которой он пошёл на всё, даже на преступление, предала его, и он попал на каторгу. И он тоже делает шаг к людям. Спасаясь от преследований, он приходит в дом к Гелли, случайной спутнице в стовёрстном пути по реке, с чьим присутствием в лодке он вынужден мириться, не испытывая к ней, кажется, никаких чувств, кроме раздражения.

• *Почему же Нок пришёл к юной Гелли? Только ли потому, что за ним гнались и ему больше нигде было спрятаться? Но тогда почему рассказ оканчивается словами: «Они жили долго и умерли в один день» – формулой вечной и верной любви у Грина? (Кстати, теми же словами кончается и ещё один, также написанный в ссылке рассказ Грина «Позорный столб»). О чём этот рассказ – о любви? Но ведь о любви только эта последняя фраза – эпилог.*

Участие Гелли, с которым она поддерживала Нока в минуту грозившей ему смертельной опасности, было не проявлением любви, то было человеческое участие, из которого позже выросла любовь: *«Вы поддержали меня, – сказал Нок, – хорошо, по-человечески поддержали. Такой поддержки я не встречал».* Это рассказ о поддержке человека человеком, участии, человечности, возвращающих человека к людям.

Правда, мост через пропасть презрения и равнодушия, которым романтический герой Грина несколькими годами раньше отделил себя от человечества, перебрасывается пока лишь ради единственного из людей – девушки, способной понять, поддержать, стать верным другом, полюбить. Отношение героя Грина к людям в произведениях этого периода можно определить гриновской же формулой: **«Человек с человеком»**. Пройдёт время и героям Грина станет трудно дышать в замкнутом мире для двоих. Творческие поиски писателя приведут к

рождению нового героя, жизненную позицию которого можно определить формулой **«Человек для человека»**.

Смысл своей жизни он видит, прежде всего, в том, чтобы делать счастливыми других.

Непростым был путь Грина к новому герою. В этой эволюции гриновского героя, несомненно, сыграли роль и полтора года северной ссылки писателя, его встречи и дружеское общение с такими людьми, как Самойлович, Кулик, Корель и другими, чья жизнь была самоотверженным служением людям.

Может быть, именно это помогло Грину и его герою в обретении новой жизненной позиции, помогло писателю сделать первые шаги на том пути, который привёл к рождению таких лучших гриновских героев, как Битт-Бой («Корабли в Лиссе»), Грэй («Алые паруса»), Давенант («Дорога никуда»).

С 1912 г. Грин живёт в Петербурге. В эту пору он много пишет, выходят его книги. Он становится известным писателем. В 1913 г. увидело свет его первое собрание сочинений в 3-х томах.

В 1924 г. Грин переехал в Феодосию. Умер в старом Крыму. Похоронен на местном кладбище, откуда видны лесистые горы, где он так любил совершать свои одинокие прогулки.

А. С. Грин – писатель-мечтатель. Творчество его отмечено даром романтической фантазии. В обыденности окружающей жизни он видит её поэзию, рисует необыкновенные события и характеры. В романах и повестях «Бегущая по волнам», «Алые паруса», «Сердце пустыни», рассказах «Капитан Дюк», «Комендант порта», «На облачном берегу» и многих других живут и действуют волевые и честные, добрые и смелые, мужественные и простодушные, сердечные и нравственно чистые люди. Герои Грина гуманны, они знаменосцы любви и уважения.

Поэт Э. Багрицкий признавался: *«Грин научил меня мужеству и радости»*.

Прекрасную оценку дал А. Грину К. Паустовский: *«Грин был не только великолепным пейзажистом и мастером сюжета, но был ещё и очень тонким психологом. Он писал о самопожертвовании, мужестве, героических чертах, заложенных в самых обыкновенных людях. Он писал о любви к труду, к своей профессии, о неизученности и могуществе природы. Наконец, очень немногие писатели так чисто, бережно и взволнованно писали о любви к женщине, как это делал Грин»*.

Даниил Гранин: *«Когда дни начинают пылиться и краски блёкнут, я беру Грина. Я открываю его на любой странице, так весной протирают окна в доме. Всё становится светлым, ярким, всё снова таинственно волнует, как в детстве. Грин – один из*

немногих, кого следует иметь в походной аптечке против ожирения сердца и усталости. С ним можно ехать в Арктику и на целину, идти на свидание. Он поэтичен, он мужественен».

Эволюция гриновского героя

Жизненная формула	Название произведения и герой	Характеристика героя
«Каждый за себя»	«Остров Рено» (1909 г.) – Тарт/	Умный, мужественный, сильный. Презирает ненавидящих его людей, любит только себя (себялюбец), стремится к одиночеству.
«Человек с человеком»	«Жизнь Гнора» (1911 г.) – Гнор; «Сто вёрст по реке» (1911г.) – Нок; «Позорный столб»; «Зимняя сказка» (детям предлагается дополнить список).	Перестает презирать и ненавидеть людей. Сохраняет интеллектуальное и нравственное превосходство над окружающими, благородный, любящий (нужен пока только один человек – любимая), делает шаг к людям.
«Человек для человека»	«Алые паруса» – Грей; «Корабли в Лиссе» – Битт-Бой; «Дорога никуда» – Давенант (детям предлагается дополнить список).	Смысл жизни – делать счастливыми других (детям предлагается дополнить список).

Список литературы:

1. Александров, А. Счастливый человек из Зурбагана / А. Александров // Караван истории. – 2003. – № 2.
2. Гемп, К. П. Беседка, которую любил А. Грин / К. П. Гемп // Правда Севера. – 1980. – 23 авг.

3. Киреев, Р. Главное событие моей жизни / Р. Киреев // Домашний очаг. – 1997. – № 11.
4. Коковин, Е. Доброе утро Александра Грина / Е. Коковин // Северный комсомолец. – 1972. – 9 июля.
5. Литературный Север : книга для учащихся 5-8 классов. – Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1995. – 431 с.
6. Маслов, Л. Грин на Севере / Л. Маслов // Архангельск. – 2002. – 26 июля.
7. Методические рекомендации к программам по литературе (региональный компонент). – Архангельск : Изд-во «Родина Ломоносова», 1994.
8. Михайлова, Л. Александр Грин : жизнь, личность, творчество / Л. Михайлова. – Изд. 2-е, дораб. и доп. – М. : Худож. лит, 1980. – 216 с.
9. Под алыми парусами романтики // Северный комсомолец. – 1980. – 24 авг.
10. Прохоров, Е. И. Александр Грин / Е. И. Прохоров. – М. : Просвещение, 1970. – 119 с.
11. Сандлер, В. Весна Александра Грина / В. Сандлер // Северный комсомолец. – 1974. – 22 мая.
12. Сандлер, В. Четыре года следом за Гринем / В. Сандлер // Прометей : ист.-биограф. альм. Т. 5. – М. : Мол. гвардия, 1968.
13. Скепнер, Л. С. Словесное искусство Русского Севера в литературном образовании и развитии школьников : монография. – Архангельск : Помор. гос. ун-т, 2002. – 239 с.
14. Щепихина, Т. Забытый Грин / Т. Щепихина // Ведомости Поморья. – 2005. – 17 авг.

«Север в романе В. Каверина «Два капитана»

Бороться и искать, найти и не сдаваться.

Архангельск – город смелых мореходов, город капитанов, город экспедиций. Отсюда, с Северной Двины, ещё в самом начале XVII века архангелогородцы ходили на своих кочах к берегам Сибири, в торговую Мангазею. Отсюда отправлялись многие великие экспедиции: 1734, 1736, 1766, 1821-1824 (четыре экспедиции), 1831, 1833, с 1907-1912 (пять экспедиций), 1915, 1932...

Это далеко не все экспедиции, ушедшие от архангельских причалов в смелые и опасные рейды. Но самые известные среди них:

экспедиция 1912 года к Северному полюсу Георгия Седова на корабле «Святой Фока», Пахтусова, Вилькицкого, Брусилова.

Не случайно в 1987 году у нас в Архангельске в Северо-западном книжном издательстве к 85-летию писателя вышел роман В. Каверина «Два капитана». Это естественно и справедливо. Ведь путь к цели того и другого капитана – и моряка-исследователя Татарина, и военного лётчика Сани Григорьева – пролегал через наш город. Здесь, на Севере, они боролись и искали, находили и не сдавались. Именно Северу, Заполярью обязаны они оба своими открытиями, славой. Так же, как и те действительно жившие люди, замечательные личности, чьи судьбы и жизненные пути и характеры легли в основу создания образов главных литературных героев романа.

Роман В. Каверина «Два капитана» любим уже не одним поколением читателей. Помимо почти десятилетий (с сер. 1930 по 1944 гг.) кропотливой работы и писательского таланта в этот роман был вложен особый дух – дух эпохи бурных и зачастую героических исследований на Крайнем Севере.

Свет арктических звезд падает на страницы его первой книги, а вторая, как известно, в основном построена на северном заполярном материале, и наш город упомянут в «Двух капитанах» много раз. С детства знакомы нам строки о том, как Саня Григорьев идёт по военному Архангельску (С. 569–570): *«Но как изменился Архангельск, как, оставшись самим собою, он стал удивительно не похож на себя!»*

Американские матросы бродили по улицам в шапочках с помпонами, в клёшах, в шерстяных рубашках, обтягивающих талию и свободно выпущенных на штаны. Англичане с начальными буквами AMS (его величество корабль) на бескозырке, держались немного строже, но у них был беспечный вид, совершенно отличавший их от наших моряков и казавшийся мне странным. Негры встречались на каждом шагу, чёрные и оливково-чёрные – должно быть, мулаты. Китайцы стирали рубахи в Северной Двине, прямо под набережной, и, громко болтая на своём гортанно-глухом языке, растягивали их под солнцем между большими камнями.

А Двина, такая просторная, русская, что другой такой, казалось, и не могло быть на свете, свободно раскинувшись, вела вперёд свои полные воды.

Как ножом отваливая сверкающую волну, проходили катера всё на ту сторону, к торговому порту...

Не иностранцы, на которых я смотрел с острым, но поверхностным любопытством, занимали меня в эти дни. Это был город Седова, Брусилова. На кладбище в Соломбале я долго стоял у могилы «корпуса штурманов поручика и кавалера Петра Кузьмича

Пахтусова, скончавшегося 36 лет от роду от понесённых в походах трудов и огорчений».

Отсюда капитан Татаринов повёл в далёкий путь свою белую шхуну. Здесь умер в городской больнице штурман Климов, единственный участник экспедиции, добравшейся до Большой земли. В местном музее экспедиции «Св. Мария» был посвящён целый отдел, и среди знакомых экспонатов я нашёл интересные, новые для меня воспоминания художника П., друга Седова, о том, как штурман Климов был найден на мысе Флора».

И Соломбала, и Кузнечиха встают со страниц «Двух капитанов» именно так, как они выглядели в то время (С. 570–571): «Острый запах соснового бора стоял над рекой; мост был разведён; маленький парходик, огибая бесконечные плоты, возил народ к пристани от пролёта. Куда ни взглянешь, везде было дерево и дерево: узкие деревянные мостки вдоль приземистых николаевских зданий, в которых были разбиты теперь госпитали и школы, деревянные мостовые, а на берегах целые здания из штабелей свежераспиленных досок. Это была Соломбала, и я нашёл дом, в котором жил капитан Татаринов, когда снаряжалась «Св. Мария».

Он спускался с крыльца этого маленького бревенчатого дома и шёл через садик – широкоплечий, высокий, в белом кителе, с усами, по-старинному загнутыми вверх. Упрямо наклонив голову, он слушал какого-нибудь купца Демидова, который требовал у него денег за солонину или «приготовление готового платья».

А там, в торговом порту, среди тяжёлых грузовых пароходов с боковыми колёсами была чуть видна тонкая и стройная шхуна – слишком тонкая и стройная, чтобы пройти из Архангельска во Владивосток вдоль берегов Сибири».

Всё это мог написать только очевидец, внимательный, расположенный, увлечённый.

В Архангельске Каверин, естественно, появился не случайно. Вынужденный с началом Великой Отечественной войны прервать работу над романом и уже будучи военным корреспондентом «Известий», Каверин просил командировать его на Северный флот, где надеялся найти материал для последующей работы над «Двумя капитанами».

Сам писатель говорит, что бывал в Архангельске раз 20, наверное. Впервые – в войну, летом 42-го года во время бомбёжек: «Пожары, разрушенные дома, осколки стёкол хрустели под ногами... очень запомнилась атмосфера в интерклубе. Там тогда настоящий интернационал собирался. Любопытно было наблюдать, как ведут себя, как реагируют на бомбёжку представители разных народов. Глубоко равнодушны были

китайцы. Шотландцы нервничали, но, в общем, вели себя нормально, достойно... Вечера в интерклубе запомнились очень живо. Были интересные встречи... Как-то я подошёл к английскому офицеру, у которого вся грудь была в орденах и нашивках, спросил, за что он получил столько наград. Он ответил с чисто английским юмором: «За то, что я в тех или иных случаях более или менее благополучно спасал свою жизнь». Всё-таки больше запомнилось интернациональное братство, характерное для Архангельска, для Заполярья во время войны...

Именно в Архангельске я познакомился с адмиралом Головко, командующим Северным флотом. Потом дружественные отношения с ним поддерживал до конца его жизни. Тогда, летом 1942 г. он прибыл в Архангельск на яхте. Помню, недалеко от города был устроен спектакль для моряков, и мы все, писатели, корреспонденты, тоже отправились туда. С нами тогда был Кассиль... По дороге догоняет машина с командующим, тот, оглядев нас, воскликнул: «А, вот и вся бражка!» Мне это почему-то, показалось обидным – повернул назад и не пошёл на спектакль. Назавтра Головко послал за мной своего адъютанта, познакомились, а потом уж я ему официально представился, когда вскоре стал собкором «Известий» по Северному флоту. Мне очень многое дала его помощь, его участие...»

Арсений Григорьевич Головко, хоть и не называется, но возникает на страницах «Двух капитанов» неоднократно. Помните, когда в офицерской столовой по знаменитой флотской традиции отмечают тремя жареными поросятами потопленный вражеский транспорт, сторожевик и эсминец, командующий Северным флотом стоя произносит тост за командиров-победителей, за их экипажи. А потом он, увидев за столом Саню, что-то говорит соседу, командиру дивизиона, и тот произносит тост за капитана Григорьева, который «умело навёл на германский караван подводную лодку». Адмирал молод, немного старше героя книги Сани Григорьева, который, в свою очередь, помнит его ещё по Испании и по приездам в их лётный полк... Позже в своём «Очерке работы» Каверин назовёт адмирала Головко одним из самых лучших флотоводцев.

Командующий Северным флотом появляется на тех страницах «Двух капитанов», где действует младший из них, Саня Григорьев. Конкретные личности, судьбы угадываются и там, где речь идёт о славных делах прошлого. В. А. Каверин писал в «Очерке работы», что для своего «старшего капитана» воспользовался историей двух отважных исследователей Крайнего Севера. У одного взял мужественный характер, чистоту помыслов, ясность цели – всё, что отличает человека большой души. Это Седов.

У другого – фантастическую историю его путешествия. Это Брусилов. Дрейф «Св. Марии» точно повторяет дрейф брусиловской «Св. Анны». Дневник штурмана Климова, приведённый в романе, полностью основан на дневнике штурмана Альбанова, одного из двух оставшихся в живых участников этой трагической экспедиции.

Вот хотя бы один пример почти точного совпадения бывшего в действительности и романического. В дневнике одного из участников экспедиции и друга Седова так записана 15 февраля 1914 г. сцена прощания больного Седова с членами экспедиции и командой перед уходом со «Св. Фоки» на Север, к полюсу: *«Неустойчивый рассказчик, выдумщик анекдотов и смешных историй, кумир команды... даже к работе приступающий не иначе, как с шуткой, Седов теперь выглядел другим... Он несколько минут стоял с закрытыми глазами, как бы собираясь с мыслями, чтобы сказать последнее слово. Но вместо слов вырвался едва заметный стон, в углах сомкнутых глаз сверкнули слёзы».*

Так прощался со своими друзьями и соратниками, покидая «Св. Фоку», действительный, доподлинный, живой капитан и начальник экспедиции – Георгий Седов.

А вот как выглядит при прощании с командой корабля романический капитан и начальник экспедиции Иван Татаринцов в «Двух капитанах»: *«Что общего с прежним... выдумщиком анекдотов и забавных историй, кумиром команды, с шуткой приступавшим к самому трудному делу... Он стоял с закрытыми глазами, как будто собираясь с мыслями, чтобы сказать прощальное слово. Но вместо слов вырвался чуть слышный стон и в углах глаз сверкнули слёзы».*

Сравним в отрывках и саму прощальную речь Седова. В дневнике участника экспедиции записано, что, овладев собой, Седов *«начал говорить сначала отрывочно, потом спокойнее... Трудными русскими в историю исследования Севера вписаны важнейшие страницы, Россия может гордиться ими. Теперь на нас лежит ответственность оказаться достойными преемниками наших исследователей Севера... Мне хочется сказать вам не «прощайте», а «до свидания».*

А вот теперь читаем мы в соответствующем месте «Двух капитанов»: *«Он заговорил сперва отрывисто, потом всё более спокойно... Трудными русскими в истории Севера записаны важнейшие страницы – Россия может гордиться ими. На нас лежит ответственность – оказаться достойными преемниками русских исследователей Севера».*

Как видите, оба описания сцены прощания и процитированные части содержания прощальной речи Седова – действительной и романической – совпадают почти дословно.

Впрочем, маскировка действительных событий и даже действительных фамилий иногда почти снимается. Скажем, в романе действует архангельский делец Вышимирский, который, наживаясь на снабжении экспедиции Ивана Татаринова, поставляет ему вместо вытренированных ездовых сибирских лаек просто дворняжек, возможно, выловленных на улицах того же Архангельска. Часть из них в пути пришлось застрелить, чтобы не тратить попусту драгоценных для экспедиции продуктов.

Илья Бражнин, автор книги «Недавние были», вспоминает: *«Я не знаю, в самом ли деле Вышимирский снабжал экспедицию Седова столь подло, но я отлично помню большой меховой магазин Вышимирского на самом бойком месте, в центре Архангельска. Для этого магазина и для своего жилья торговец пушниной построил на основной магистрали города, Троицком проспекте, каменный трёх-этажный дом – один из первых каменных частных домов в Архангельске».*

Итак, мы знаем прототип капитана Татаринова. Мы знаем прототип, а может статья, и подлинного Вышимирского. Мы без труда можем обнаружить прототипы некоторых других персонажей «Двух капитанов».

Есть в «Двух капитанах» беглое упоминание о том, что во время сборов лётчика Сани Григорьева в поисковую экспедицию к нему заходил «старый художник, друг и спутник Седова, в своё время напечатавший свои воспоминания о том, как «Св. Фока», возвращаясь на Большую Землю, подобрал штурмана Климова на мысе Флора.

В работе над образом капитана Татаринова писателю помог известный среди исследователей Арктики Николай Васильевич Пинегин. В романе он фигурирует как «художник П.». Н. В. Пинегин, художник и писатель, друг Седова, один из тех, кто после его гибели привёл шхуну «Св. Фока» в Архангельск. *«Я знал, что он в Ленинграде, долго его разыскивал и, наконец, нашёл: оказалось, что он живёт в том же доме, что и я. Бывает же такое...»*

Николай Васильевич рассказал мне много о Седове. С ним я не только обстоятельно беседовал, но и последний рапорт капитана Татаринова в романе был написан под его непосредственным руководством», – рассказывал В. Каверин.

Первое своё путешествие на Север Пинегин совершил в 1909 году. Приехав летом к родным в Архангельск на каникулы, Пинегин – тогда студент Академии художеств – отправился на Мурман. 30 лет спустя в Мурманске сам Пинегин рассказывал следующее (С. 153. И. Бражнин): «Когда я впервые, будучи ещё студентом-художником, попал сюда, здесь на берегу Селиновской бухты, где сейчас стоит

Мурманск с населением в полтораста тысяч человек, торчала одна-единственная охотничья избушка.

Известный полярный путешественник Роберт Пири, открывший Северный полюс, писал, что «каждый, кто посетил Север, заболевает неизлечимой полярной лихорадкой. На каких бы благодатных широтах после того ему ни довелось жить, его будет неизменно тянуть снова на Север». Так случилось с Пинегиним. Побывав на Мурмане и в Лапландии, пошатавшись по безлюдной тундре и по рыболовецким становищам, перешагнув однажды за Полярный круг, он уже навеки стал пленником Севера.

Эта первая северная поездка имела немаловажное значение для Пинегина ещё и потому, что после того он взял в руки перо. Живописец открыл в себе и писателя. К слову сказать, писатель, едва родившись в Пинегине, тотчас стал помогать путешественнику, т. к. на те сто рублей, что Пинегин получил в качестве гонорара за первые свои очерки о Лапландии и Мурмане, он смог осуществить новую поездку.

Состоялась эта поездка во время студенческих каникул 1910 года.

На этот раз Пинегин шагнул много дальше прежнего и махнул на мало обследованную в те времена пустынную Новую Землю.

Эта поездка сыграла в жизни Пинегина особую роль. Ещё на пароходе «Великая княгиня Ольга», привезшем Пинегина на Новую Землю, он познакомился с морским офицером, возглавившим гидрографическую экспедицию, в задачу которой входило подробное обследование крестовой губы. Офицером этим оказался Георгий Яковлевич Седов.

На Новой земле знакомство молодого художника и молодого гидрографа переросло в крепкую дружбу.

Однажды между ними произошёл следующий разговор, описанный Пинегиним в книге «Георгий Седов»: «Хорошо здесь, – сказал Седов, сидя внутри палатки. – Никуда бы не уехал. Остался бы на зимовку.

– И я остался бы. Моя мечта прожить в полярной стране целый год. Написать бы гору этюдов.

– А куда бы девать стали? – вступил в разговор один из помощников Седова – студент Заболоцкий.

– Как куда? Написал бы с них картины. Устроил бы выставку. Это необходимо сделать. Необходимо показать всем, что такое – далёкий Север. Это одна из привлекательнейших стран.

– А моя мечта – попасть на полюс.

Художник быстро взглянул на Седова. Его лицо было серьёзно.

– Как, на самый полюс?

– Ну, разумеется. Вы думаете – не дойду? Дойду! Я знаю себя и говорю это твёрдо. И многие из наших могли бы, если б захотели как следует. Как глупо, что никто из русских не пытался достичь полюса. Ведь все мы выросли на снегу. Путешествие к полюсу – чёрная работа. Нужна привычка к холоду. Нужно знать лёд. Я знаю лёд и как по нему ходят!

Георгий Яковлевич сжал кулаки, расширил глубоким вздохом грудь.

– Эх, достать бы только денег на экспедицию – и он ударил кулаком по койке. – Нет. Так или этак – а на полюс я пойду! Даю себе срок два года. Будьте свидетелями!

– Подождите ещё один год, – сказал художник. – Я Академию кончу, пойду вместе с вами.

– Идёт. Только не отказываться.

– Не откажусь.

– Ну, ладно. Пусть будет крепко!

Седов протянул руку художнику и сильно стиснул ладонь. Лицо его было серьёзно».

Когда спустя два года Г. Я. Седов начал подбирать людей для полюсной экспедиции, то, по свидетельству участника её – профессора В. Визе – «Пинегин был первым, кого Седов пригласил участвовать в задуманной им экспедиции к Северному полюсу. Далее Визе сообщает: «Экспедиция вышла из Архангельска в 1912 г. на судне «Святой Фока» и вернулась в Архангельск в 1914 году, уже без Седова, скончавшегося на Крайнем Севере Земли Франца Иосифа. На «Св. Фоке» Пинегин был самым близким Седову человеком».

Н. В. Пинегин и известный исследователь Арктики В. Ю. Визе были в числе тех участников экспедиции на «Св. Фоке», которые, возвращаясь в Архангельск после гибели Седова, подошли к мысу Флора Земли Франца Иосифа 2 августа 1914 г. и обнаружили здесь двух оставшихся в живых участников Брусиловской экспедиции на «Св. Анне» – штурмана Альбанова и матроса Конрада. (Вспомните в романе страницы дневника штурмана Климова, где описаны трагические подробности их пешего похода через арктические льды). Так и в жизни пересеклись пути участников двух знаменательных полярных экспедиций, уже после того как не было в живых ни Г. Я. Седова, ни Г. Л. Брусилова.

Пинегин любил Архангельск и хорошо говорил о нём. В своих книгах он посвятил ему много отличнейших страниц. Невозможно забыть яркое и берущее за душу описание аукциона, устроенного в Архангельске для распродажи имущества экспедиции Седова и личных вещей Георгия Яковлевича для покрытия задолжности одному из архангельских купцов-толстосумов. Этот трагический и мерзкий

аукцион описан Пинегиным с потрясающей силой. Николай Васильевич бывал и жывал в Архангельске в 1908, 1909, 1910, 1912, 1914 гг. Отсюда же уходил он и в свои многочисленные арктические экспедиции.

Приятно думать, что этот отважный и многосторонне талантливый человек был привержен нашему родному городу.

Начав летом 1941 г. работу над второй книгой «Двух капитанов», В. А. Каверин консультировался с В. Ю. Визе, и известный учёный-полярник одобрил содержание будущих «арктических» глав, рассказал много нового о работе поисковых партий. После выхода в свет первой книги интересные подробности сообщила писателю вдова Седова.

«В Архангельске во время войны была ещё одна любопытная встреча. В порту Бакарица я увидел буксирный катер, который своим названием мне что-то напомнил, взволновал. Спрашиваю у молодого капитана пароходика: «Как долго ваш буксир называется «Лебедином?» – «А он всегда так назывался». – «Когда он был спущен на воду?» – «Давно, ещё до революции. Название с тех пор не меняли». И тут оставалось только осознать, что я вижу перед собой тот самый катер, на котором явились к шхуне «Св. Фока» родные и друзья капитана Седова, чтобы проститься с ним перед его отплытием в Арктику и дальше, к полюсу...» – столь памятный эпизод В. А. Каверин описал в своём романе от лица Сани Григорьева. Там Саня приехал в Архангельский порт Бакарица посмотреть на разгрузки иностранных судов (С. 570): *«Ого, как вырос, каким просторно-прочно-солидным стал этот старинный порт! Километра два прошёл я вдоль причалов, а всё ещё не было конца подъёмным кранам, складывающим в высокие, прямоугольные штабеля военные и невоенные грузы. И порт ещё достраивали, удлиняли. Я дошёл до конца и остановился, чтобы одним взглядом окинуть плавно заворачивающую, как бы откинувшуюся назад, панораму причалов. И вот именно в эту минуту маленький пароходик, энергично пыхтя, обогнул большое американское судно с «харрикейном» на носу и стал подходить к причалу. Я взглянул на его название: «Лебедин», и, помнится, подумал, что это красивое имя стало, очевидно, традиционным в северных водах. Так звался пароход, на котором друзья и родные Татаринова пошли к его шхуне, чтобы в последний раз обнять капитана и пожелать ему «счастливого плавания и достижений». Возможно ли, что этот самый «Лебедин», который в одной статье был назван «первым русским ледоколом»? Конечно, нет!*

Матрос катил по сходням бочку с горючим. Я попросил его позвать капитана, и минуту спустя румяный парень лет 25, в

простой синей спецовке, вышел на палубу, вытирая тряпкой чёрные от масла руки.

– Товарищ капитан, у меня к вам исторический вопрос, – сказал я, – Вы случайно не знаете: до революции ваш буксир тоже звался «Лебедином»?

– Да.

– Когда он спущен?

– В 1907 году.

– И всегда ходил под этим названием?

– Всегда.

Я объяснил ему, в чём дело, и он со спокойной гордостью оглядел своё судно, точно никогда и не сомневался, что оно займёт своё место в истории русского флота.

Быть может, это покажется немного смешным, но встреча с «Лебедином» обрадовала и необычайно оживила меня.

«Ещё ничего не кончилось», – как будто сказал мне этот старый буксир с таким румяным, молодым капитаном».

Прототипами Сани Григорьева можно с полной уверенностью считать старшего лейтенанта, талантливого лётчика и прекрасного, чистого человека Самуила Яковлевича Клебанова, погибшего в 1943 году, и учёного Михаила Ефимовича Лобанова. Именно встреча с Лобановым помогла автору написать те страницы первой книги «Двух капитанов», где говорится о детстве Сани, о его беспризорности, о становлении его характера в юности.

Лобанов с Клебановым были похожи: оба сдержанные, молчаливые, очень мужественные, даже отчаянные. Оба были очень умны, хорошие профессионалы, каждый в своём деле. Оба писали. Клебанов писал интересные статьи о проблемах полярной авиации.

Жизненный путь Самуила Яковлевича Клебанова теснейшим образом связан с нашим городом и областью. В архангельском народном музее авиации Севера его директор Г. В. Личков собрал о героическом лётчике немало интересных материалов, документов, фотографий. Родные Клебанова передали в музей его награды, среди которых и орден Ленина.

В сентябре 1935 г. при Ненецком окрисполкоме создаётся местная «исполкомовская авиация». Сейчас даже трудно представить, в каких сложных условиях он летал. Ведь самолёты «У-2» в те годы, по меткому выражению Героя Советского Союза М. В. Водопьянова, оставались «глухонемыми». На них не было радиации, и в случае вынужденной посадки пилоты не могли даже сообщить, что с ними, где их искать. И всё же за первый зимний период 1935-1936 гг. Клебанов и опытный пилот Сущинский открыли и освоили в округе восемь воздушных линий, протяжённостью 2 470 км,

связавших Нарьян-Мар со всеми районными центрами, морским побережьем, тундрой. Они выполнили свыше двухсот шестидесяти вылетов, на крыльях первых самолётов несли в тундру новую культуру, новую жизнь.

В октябре 1937 года Клебанова как опытного пилота отозвали в Архангельск и назначили старшим пилотом-инструктором, а с 1940 года он вновь в Ленинграде.

Имя славного авиатора увековечено в музее авиации Севера и золотыми буквами высечено на памятнике героям Великой Отечественной войны, открытом в Кегостровском аэропорту.

В. Каверин прислал в дар музею свой нестареющий роман с личной подписью. Это не случайно. Девиз капитана-лётчика из литературного произведения «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» был жизненным девизом невымышленного героя.

В городе Пскове, на родине писателя, героям романа «Два капитана» поставлен памятник.

Север, Арктика – суровый край. Он не сдаётся без боя. И если кто-то упадёт в пути, путь завершают другие. Именно так поступил Саня Григорьев. Он завершил путь капитана Татарина.

Список литературы:

1. Каверин, В. А. Два капитана / В. А. Каверин. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1987. – 635 с.
2. Каверин, В. А. Очерк работы / В. А. Каверин // Путеводная звезда. – 2002. – № 3.
3. Бражнин, И. Недавние были / И. Бражнин. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1972. – 224 с.
4. Галанов, Б. Книжка про книжки / Б. Галанов. – М. : Дет. лит., 1978.
5. Ёлкин, А. С. Судьба книг и рукописей / А. С. Ёлкин. – М. : Просвещение, 1976.
6. Личков, Г. Герои не умирают / Г. Личков // Правда Севера. – 1983. – 16 окт.
7. Мельницкая, Л. Здесь они боролись и искали / Л. Мельницкая // Правда Севера. – 1988. – 9 февр.
8. Меньшов, В. Найти и не сдаваться / В. Меньшов // Кукумбер. – 2003. – № 1.
9. Методические рекомендации к программам по литературе (региональный компонент). – Архангельск : Изд-во «Родина Ломоносова», 1994.
10. Сколько было капитанов? // Вокруг света. – 2004. – № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	3
Раздел I	
«Последний из русских сказителей» (беседа по творчеству Б. В. Шергина)	4
«В древних преданьях, как в материнской зыбке» (беседа о М. Д. Кривополеновой)	12
«Жива Россия» (о незавершённом романе Ф. А. Абрамова «Чистая книга»)	18
«Тебя ничем не надо украшать...» (литературно-музыкальная композиция по творчеству О. А. Фокиной)	40
Раздел II	
«С Севером навечно связан»: четыре путешествия М. М. Пришвина по Северу	51
«Гласноподнадзорный А. Гриневский» (А. Грин в архангельской ссылке)	60
«Север в романе В. Каверина «Два капитана»	69
Оглавление	80

Лики Севера (опыт работы по литературному краеведению)

**Редактор-составитель, компьютерная вёрстка,
технический редактор, корректор: отдел инновационно-
методической деятельности и библиотечного маркетинга
Центральной городской библиотеки имени М. В. Ломоносова
муниципального учреждения культуры «Централизованная
библиотечная система» г. Архангельска**

Дизайн обложки: К. В. Дмитриев